

LATVIJAS UNIVERSITĀTE

**MAGISTRA DARBS**

RĪGA 2020

LATVIJAS UNIVERSITĀTE  
HUMANITĀRO ZINĀTŅU FAKULTĀTE  
RUSISTIKAS UN SLĀVISTIKAS NODAĻA

**MĀTIŠĶĪBAS REPREZENTĀCIJAS  
NORAS IKSTENAS “MĀTES PIENS” UN  
JEĻENAS ČIŽOVAS “SIEVIEŠU LAIKS” ROMĀNOS  
MAGISTRA DARBS**

Autors: Jekaterina Dobrova

Studentu apliecība № jd18016

Darba vadītājs: asoc.prof. Dr.Philol. Nataļja Šroma

RĪGA 2020

ЛАТВИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ  
ФАКУЛЬТЕТ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК  
ОТДЕЛЕНИЕ РУСИСТИКИ И СЛАВИСТИКИ

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МАТЕРИНСТВА  
В РОМАНАХ НОРЫ ИКСТЕНЫ «МОЛОКО МАТЕРИ»  
И ЕЛЕНА ЧИЖОВОЙ «ВРЕМЯ ЖЕНЩИН»**

МАГИСТЕРСКАЯ РАБОТА

Автор: Екатерина Доброва

Студенческий билет № jd18016

Научный руководитель: ассоц.проф. Dr.Philol. Н. И. Шром

РИГА 2020

**Jekaterina Dobrova**

**Mātišķības reprezentācijas Noras Ikstenas “Mātes piens” un Jeļenas Čižovas “Sieviešu laiks” romānos:** maģistra darbs. – Rīga, 2020. - 67 lpp.

### **Anotācija**

Darbs ir veltīts mātišķības reprezentāciju pētījumam mūsdienu latviešu un krievu sieviešu prozā, kuru pārstāv Noras Ikstenas un Jeļenas Čižovas literārie teksti. Pamatojoties uz pētījumiem dzimumu studiju jomā un ņemot vērā sieviešu ģenealoģijas aspektus mātišķības pētījumā, autore, aplūkojot mātes un meitas attiecības, veic mātes uzvedības salīdzinošo analīzi mūsdienu sieviešu rakstniecībā un identificē galvenās mātišķības reprezentācijas mūsdienu sieviešu autoru skatījumā. Pētījums par mātišķības reprezentācijām mūsdienu sieviešu prozā sniedz pamatu nonākt pie secinājuma par rakstnieču mātišķības priekšstātiem. Ņemot vērā tekstu analīzi no sieviešu ģenealoģijas viedokļa mēs varam runāt arī par autoru mākslinieciskiem mēģinājumiem veidot katras atsevišķas ģimenes sievietes vēsturi.

Darbs var ieinteresēt pētniekus, kuri nodarbojas ar dzimumu studiju problemātiku un veic pētījumus mātišķības studiju jomā.

### **Atslēgvārdi**

Dzimumu studijas, feminisms, mātišķības reprezentācija, mātes tēls, mātišķība, sieviešu ģenealoģija, sieviešu proza

**Jekaterina Dobrova**

**Representation of Motherhood in the novels “Mother’s milk” of Nora Ikstena and “The Time of Women” of Elena Chizhova:** master thesis. – Riga, 2020. - 67 p.

### **Abstract**

The master thesis is devoted to the study of Representation of Motherhood in the contemporary women’s prose of Latvian and Russian female writers - Nora Ikstena and Elena Chizhova. Based on the research in the fields of Gender studies and considering the aspects of Genealogy of Women, the author conducts a comparative analysis of Mother-Daughter relations in the contemporary matrilineal narratives of female authors and defines the dominant Representation of Motherhood in the contemporary women’s writing. The study reveals women–writers’ attitude to the concept of Motherhood from the point of view of mother-daughter relations in a matrilineal narrative. The analysis of both matrilineal narratives about three generations of women gives the opportunity to define the authors’ attempts to rethink a female history of each individual family.

The study refers to the research with a focus on Motherhood Studies and Women's literature.

### **Keywords**

Gender Studies, Feminism, Representations of Motherhood, Mother, Mother-Daughter relations, Genealogy of Women, Women’s literature, Matrilineal narrative

**Екатерина Доброва**

**Репрезентации материнства в романах Норы Икстены «Молоко матери» и Елены Чижовой «Время женщин»:** магистерская работа. – Рига, 2020. – 67 с.

#### **Аннотация**

Работа посвящена исследованию и анализу репрезентаций материнства в современной женской прозе, а именно в текстах латышских и русских писательниц Норы Икстены и Елены Чижовой. Основываясь на исследованиях в сфере гендерных студий и намечая основной ракурс исследования, в котором представление о материнстве рассматривается в аспекте генеалогии женщин и материнско-дочерних отношений, автор проводит сравнительный анализ характеристик материнства в современных художественных текстах, и выявляет доминирующие репрезентации материнства в представлении современных авторов-женщин. Исследование репрезентаций материнства в современной женской прозе дает основание сделать основной вывод о современных представлениях о материнстве у авторов-женщин с точки зрения материнско-дочерних отношений в матрилинеальном нарративе. Проанализировав оба матрилинеальных нарратива о трех поколениях женщин с точки зрения генеалогии женщин, можно также говорить о художественных попытках формирования женской истории каждой отдельной семьи.

Работа может заинтересовать исследователей, занимающихся гендерной проблематикой, в частности аспектами изучения материнства, а также исследователей женского письма и литературы.

#### **Ключевые слова**

Гендерные исследования, феминизм, репрезентации материнства, мать, материнско-дочерние отношения, генеалогия женщин, женская проза, матрилинеальный нарратив

## Содержание

Введение.....	1
Глава 1. Проблема «репрезентация женщин в литературе» в рамках гендерных исследований .....	4
1.1. Общая теория гендерных исследований .....	4
1.2. Репрезентация женщин в истории культуры и литературы.....	7
1.3. Репрезентация материнства в культуре, обществе и литературе.....	12
1.4. Генеалогия женщин, как один из аспектов исследования женских образов в литературе. Матрилинеальный нарратив .....	18
Глава 2. Репрезентации материнства в романах Норы Икстены «Молоко матери» и Елены Чижовой «Время женщин».....	25
2.1. Социокультурный контекст в романах Норы Икстены «Молоко матери» и Елены Чижовой «Время женщин» .....	25
2.2. Нора Икстена «Молоко матери» (N. Ikstena ‘Mātes piens’) .....	27
2.2.1. Первая женская линия.....	28
2.2.2. Вторая женская линия.....	33
2.2.3. Третья женская линия .....	36
2.2.4. Репрезентации материнства .....	38
2.2.5. Оценка материнства автором-женщиной .....	40
2.3. Елена Чижова «Время женщин».....	43
2.3.1. Первая женская линия .....	44
2.3.2. Вторая женская линия .....	47
2.3.3. Третья женская линия .....	50
2.3.4. Репрезентации материнства .....	52
2.3.5. Оценка материнства автором-женщиной .....	54
Выводы.....	57

Заключение.....	63
Список использованной литературы.....	65
Приложение № 1. Репрезентации материнства в романах Норы Икстены «Молоко матери» (N. Ikstena ‘Mātes piens’), Елены Чижовой «Время женщин	

## Введение

Современные гендерные исследования являются междисциплинарной областью академических студий, и в настоящее время проводится большое количество научных исследований, посвященных изучению гендерной проблематики, в сфере различных гуманитарных знаний – литературоведение, социология, культурология, психология, философия, антропология. Говоря о литературоведении, особый интерес вызывают исследования, связанные с изучением репрезентаций гендера в современной литературе и выявлением тенденций в модификации традиционных культурных моделей в современной литературе.

Репрезентации гендера, как социокультурного конструкта, имеют культурно-историческую основу и являются отражением наиболее устойчивых представлений об образе женщины или мужчины и их роли в обществе. Формирование традиционных женских и мужских образов в культуре и искусстве происходило на протяжении долгого исторического периода и видоизменялось на разных этапах развития общества, с античности до наших дней. Женские репрезентации стали подвергаться модификациям в связи с постепенным ослаблением патриархальной культуры, а далее - под влиянием идей феминизма.

Современная проблематика репрезентации женщин в литературе имеет большое значение в рамках гендерных исследований, так как позволяет изучить представления о женщине и ее роли в обществе с точки зрения современных писателей. Образ женщины-матери рассматривается, как одна из категорий женских репрезентаций, а исследования репрезентаций материнства на современном литературном материале позволяют выявить тенденции в оценке материнства современными авторами.

Данная магистерская работа базируется на исследовании репрезентаций материнства в современной женской прозе на примере двух романов современных русских и латышских писательниц Норы Икстены «Молоко матери» (2016) и Елены Чижовой «Время женщин» (2009). Обе писательницы являются яркими представительницами латвийского и российского литературного сообществ и за свои произведения удостоены престижных литературных премий. Нора Икстена была удостоена нескольких латвийских литературных премий за роман «Молоко матери», а сама книга была переведена на разные языки мира. За роман «Время женщин» писательница Елена Чижова получила престижную российскую литературную премию «Русский Букер» в 2009 году.

В качестве объекта исследования выступают репрезентации материнства в современной русской и латышской женской прозе, а именно в романах Н. Икстены «Молоко матери» (2016) и Е. Чижовой «Время женщин» (2009).

С точки зрения генеалогии женщин объектом исследования выступает устойчивая триада женских образов в романах: «мать – бабушка - дочь/внучка», в которой отражается материнская линия на трех уровнях взаимоотношений литературных героинь.

Предметом исследования являются представления о материнстве в современных художественных текстах.

Целью данной работы является выявление доминирующих характеристик материнства в современной русской и латышской женской прозе, а также выявление отношения и оценки материнства у современных авторов-женщин.

Для достижения целей исследования поставлены следующие задачи:

- изучить ведущие направления гендерных исследований и выработать теоретическую базу, необходимую для данного исследования;
- исследовать литературные тексты современных авторов-женщин и выявить типологические характеристики репрезентаций материнства;
- исследовать триаду женских образов и проанализировать материнско-дочерние отношения в исследуемых литературных текстах;
- выявить в анализируемых текстах сходства и различия репрезентаций материнства у современных авторов-женщин;
- выявить оценку материнства у современных авторов-женщин;
- обобщить результаты исследования.

Материалом для исследования репрезентаций материнства в современной литературе послужили романы современных русских и латышских писательниц Н. Икстены «Молоко матери» (2016) и Е. Чижовой «Время женщин» (2009), которые являются значимыми представительницами русской и латышской женской прозы, а также обладательницами ведущих литературных премий. Каждое из произведений представляет собой матрилинеальный нарратив о трех поколениях женщин, что позволяет изучить особенности репрезентаций материнства на трех уровнях материнско-дочерних отношений и выявить тенденции в формировании представлений о материнстве у современных авторов-женщин.

Теоретической основой работы послужили научные труды латвийских, российских и зарубежных исследователей: Н.Чодороу, Э.Сиксу, Л.Иригарэ, Ю.Кристева, А.Рич,

E.Podnieks, A.O'Reilly, К.Эльячефф, Н.Эйниш, V.Heffernan, A.Cimdiņa, N.Šroma, Е.Здравомыслова, И. Савкина, Е.Омельченко, И.Саморукова, Е.Созина, Н.Павлова и другие.

Работа состоит из введения, двух глав, выводов, заключения, списка используемой литературы, состоящего из тридцати единиц, и одного приложения. Во введении указана тема работы, определены цели и задачи исследования. Первая глава включает в себя анализ научных источников, посвященных проблеме репрезентации женщины и матери в культуре в рамках гендерных исследований. Вторая глава посвящена исследованию репрезентаций материнства в современной русской и латышской женской прозе. Выводы демонстрируют итоги теоретической и аналитической частей исследования. В заключении подведены общие итоги исследования и намечены перспективы дальнейшего изучения темы. Список использованной литературы насчитывает тридцать единиц.

В приложении №1 представлены результаты сравнительного анализа репрезентаций материнства в романах «Молоко матери» Н. Икстены и «Время женщин» и Е. Чижовой (таблицы).

# Глава 1. Проблема «репрезентации женщин в литературе» в рамках гендерных исследований

## 1.1. Общая теория гендерных исследований

Принято говорить о трех волнах феминизма, первая из которых относится к периоду конца XIX – начала XX веков с появлением в Англии общества суфражисток, женского движения, направленного в первую очередь на борьбу за избирательные права женщин. Общество суфражисток прекратило свое существование в 1928 году после окончательного закрепления законом Англии избирательных прав женщин наравне с мужчинами. Это общественное движение повлияло не только на роль британских женщин в обществе, но также сподвигло женщин других стран Европы и США к защите своих политических прав и интересов.

Вторая волна феминизма развернулась в Западной Европе и США в 60-70-х годах XX века и стала своего рода политическим манифестом, призывающим к гендерному равноправию, а также протестом против доминирующей патриархальной культуры. Неофеминистки первыми встали на защиту женщин от навязанной обществом точки зрения о том, что главное женское предназначение сводится к выполнению репродуктивных функций. Этой же теме уделяется главное внимание Симоной Де Бовуар в ее книге «Второй пол» (1949). Под влиянием идей феминизма в обществе актуализировалась борьба за равные права мужчин и женщин и окончательно закрепилось осознание важности социально-культурного значения пола. Феминистские идеи послужили началом целого ряда исследований в истории, культуре, литературе, философии и других науках, призванное освободить общество от господствующей идеологии андроцентризма (до середины XX века доминирующая в обществе культурная норма, ориентированная, в первую очередь, на мужчину). Феминизм повлиял на изменение мировоззрения в обществе и стал отправной точкой для гендерных исследований в культуре, обществе и мире.

Симона де Бовуар одной из первых подняла очень важные вопросы, связанные с положением женщины в обществе, как например, навязанные ограничения по исключительному выполнению женщиной биологической функции материнства, явные различия в обществе между мужской (позитивная) и женской (негативная) культурной нормами, ограничения в самореализации и свободе. Де Бовуар подчеркнула важность идеи равных возможностей для мужчин и женщин, независимо от биологического пола. В это же время к исследованиям культурных стереотипов мужчин и женщин обращается и известная американская ученый-антрополог М. Мид в своей книге «Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире» (1949), в которой Мид уделяет

внимание вопросу формирования социокультурной дифференциации половых различий мужчин и женщин.

В 60-х годах XX века в США возник термин «гендер», который предложил американский ученый Р. Столлер, указывая на разделение понятий «пол» и «гендер». «Пол» стал соотноситься с биологической и физиологической сущностью, а «гендер» – с явлениями социокультурного характера. Новое понятие положило начало типу гендерных исследований, в которые включается социо-культурно-исторический комплекс тем, связанных с жизнью общества. В 70-х годах XX века под влиянием идей феминизма гендерные исследования получили новый вектор развития в сфере «женских исследований», которые не только не потеряли своей актуальности, но до сих пор продолжают поднимать важные для женщин вопросы. В настоящее время феминистский дискурс присутствует во многих научных областях – филология, социология, психология, культурология, философия, история, антропология.

Именно в этот период на волне актуализации идей феминизма, сформировался ряд научных феминистских теорий, среди которых можно выделить несколько направлений, которые сформировались в 60-80-е годы XX века и продолжают развиваться в настоящее время: историческая феминология (история женщин, женская история), психоаналитический феминизм, феминистская философия, феминистская литературная критика (женское письмо, женская литература, гинокритика), гендерная социология, феминистская теология и другие «женские исследования».

В исторической феминологии можно еще раз отметить работу американской ученой-антрополога Маргарет Мид «Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире» (1949) об исторически устоявшемся положении мужчин и женщин в обществе, а также статью «Гендер – полезная категория исторического анализа» (1986) американской ученой-историка Джоан Уоллах Скотт об использовании концепции гендера в сфере исторических исследований. В наши дни гендерные исследования в сфере истории не теряют своей актуальности, а получают новое развитие, объединяясь с результатами «женских исследований» в смежных научных областях.

Психоаналитическая школа феминизма основывалась на идеях психоанализа Зигмунда Фрейда, при этом некоторые исследовательницы-феминистки выражали явное несогласие с философией фрейдизма. Классической представительницей этого направления стала американская профессор Джулия Митчелл с книгой «Психоанализ и феминизм» (1974), в которой выступила с резкой критикой патриархального взгляда Фрейда на психоанализ и

на психологическую сущность женщины. А ранее с не менее резким осуждением идей Фрейда выступала американская активистка Бетти Фридан в своей книге «Загадка женственности» («Мистика женственности») (1963). В дальнейшем психоаналитические исследования продолжила американская ученая-социолог Нэнси Чодороу в своей научной работе «Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера» (1978), развенчивая устоявшееся в обществе мнение о природном материнском инстинкте, присущем каждой женщине. Примерно в это же время выходит книга французской философа-психоаналитика Люси Иригарэ «Пол, который не единичен» (1977), в которой она обращает свое исследование к женской сексуальности и телесному опыту.

Феминистская философия развивала идеи античных философов, а также более поздние философские идеи Маркса, Энгельса, Фуко, Лакана, Деррида. Одной из главных теоретиков этого направления является американская ученая-философ Джудит Батлер, которая в своей книге «Гендерное беспокойство» (1990) рассуждает о гендерных стереотипах, опираясь на концепцию перформативности, которая призвана нарушить устойчивые представления о роли мужчин и женщин в обществе. К этому же направлению можно отнести научные работы австралийской ученой-философа Элизабет Гросс, которая обращается к исследованиям французских теоретиков Лакана, Деррида, Фуко и развивает феминистские идеи в области телесности и сексуальной идентичности.

В феминистской литературной критике можно отметить многочисленные исследования американской исследовательницы Элейн Шоултер, автора термина «гинокритика», которая долгое время изучала женскую литературу XIX – начала XX века с точки зрения специфического «женского опыта», а именно в аспекте проявления женской субъективности в тексте. В свою очередь французская писательница и критик Элен Сиксу в своем эссе «Смех Медузы» (1975) призывала к формированию особого метода «женского письма», утверждая, что женщины должны писать в первую очередь для себя. В этой же области исследований очень значимыми являются научные работы Юлии Кристевой, которые, однако, затрагивают разные сферы научного знания – от литературной критики до психоанализа и политической философии.

Третья волна феминизма (1990-2000е годы) актуализировала новый тип квир-исследований в области изучения сексуальной идентичности мужчин и женщин. Таким образом, многообразие подходов к гендерным исследованиям дает основание предполагать, что данная тема останется актуальной в современной науке и изучение гендера будет продолжено представителями различных научных областей, что во многом обусловлено междисциплинарным характером гендерных исследований.

## 1.2. Репрезентации женщин в истории культуры и литературы

Одно из актуальных направлений гендерных исследований в литературоведении – это исследования гендерных репрезентаций, которые базируются на традиционных моделях культурного и языкового сознания. Таким образом можно сказать, что «...в коллективном сознании присутствуют гендерные стереотипы — упрощенные и заостренные представления о свойствах и качествах лиц того или иного пола» (Кирилина 1999).

По словам российской исследовательницы Ирины Саморуковой, «...слово «репрезентация» имеет два значения. Первое отсылает нас к тем жанрам культуры, где создается, конструируется тот или иной образ мира. Это литература, живопись, кино, реклама, массмедиа, различные виды поп-культуры (поп-музыка, шоу и т.п.). Кроме того, термин «репрезентация» означает и сам образ. Оба значения слова, как не трудно догадаться, близки: в каждом жанре репрезентаций есть свои правила конструирования мира, так что жанр в целом представляет собой способ описания, некую модель, образ этого мира» (Саморукова 2006). Таким образом, репрезентации женщин представляют собой устойчивые культурно-исторические модели, в которых отражаются традиционные женские образы, неоднократно воспроизводимые в произведениях искусства и литературы.

Одна из ведущих исследовательниц гендерной истории, американский историк Джоан Уоллах Скотт, в своей статье «Гендер – полезная категория исторического анализа» (1986) призвала не делить историю на «женскую» и «мужскую» и предложила новую схему изучения истории через призму концепции гендера. Речь идет о изучении исторически сложившихся гендерных стереотипов, как устойчивых культурно-исторических моделей, типических и идеальных образов, отражающих ту или иную историческую эпоху. Те же исторические паттерны можно исследовать в аспекте гендерных норм, гендерной идентичности, а также изучая социальные институты, которые участвуют в формировании гендера.

На протяжении всего культурно-исторического периода репрезентации женщин формировались на основе образа, сконструированного мужчинами, которые транслировали гендерные стереотипы, доминирующие в обществе. Традиционно в мировой культуре женщины выступали в типичных дихотомичных образах: «женщина-ангел» (Мадонна, хранительница домашнего очага, мать, жена) и «женщина-демон» (роковая, падшая женщина, ведьма), и их характеристики очень четко отражались в оппозиции светлого и темного женского ликов. Таким образом, дихотомия женского образа в литературе позволяла мужчинам удерживать власть над женщинами и поддерживать устойчивую

модель патриархального общества. Ссылаясь на исследования в сфере женской истории Чодороу так описывала традиционную патриархальную культуру: «Антропологи утверждают, что в древности ответственность женщины по уходу за детьми требовала, чтобы охотой занимался мужчина. Это давало ему, а не женщине, престиж и доступ к власти вследствие контроля над распределением излишков в хозяйстве. Продолжительная занятость женщины в домашней, «естественной» сфере как продолжение ее материнских функций ограничила ее присутствие в других сферах — социальной и культурной — и закрепила власть за мужчиной» (Чодороу 2006: 253).

В истории мировой литературы можно проследить несколько этапов эволюции традиционных женских репрезентаций. Античную философию отличало мифологическое сознание, и, благодаря древнегреческим мифам, в культуре возникли различные женские образы - богини, амазонки, мифологические существа, которые в дальнейшем стали основой для традиционных культурных моделей. Именно в мифологическом сознании впервые сформировалась дихотомия женских образов – «женщина-ангел» и «женщина-демон», в дальнейшем эта традиция перешла в средневековую культуру.

Под влиянием христианской церкви и ее постулатов в средневековой европейской литературе сформировалась еще более четкая оппозиция женских репрезентаций: с одной стороны – «женщина-ангел» (мать, богиня, ангел, дева, чистая, святая, непорочная), с другой – «женщина-демон» (ведьма, коварная, распущенная, порочная). В эпоху Средневековья образ «женщины-демона» активно поддерживался представителями католической церкви, и женщина по их представлениям являла собой сочетание самых низменных человеческих качеств, присущих всему женскому полу – чувственность, сладострастие, похоть, разврат. В средневековой литературе частотны нарративы, в которых мужчины становились жертвами коварных и бесчестных женщин, распространялись многочисленные мифы об опасностях, исходящих от женщин - соблазнение, принуждение мужчины вступить с ней в брак, неверность. Немалое влияние на формирование отрицательной характеристики женщины оказал страх перед ней, чему также способствовали средневековые процессы расправы с ведьмами. При этом главным культом христианской церкви оставалась Дева Мария или Мадонна – недостижимый идеал женщины; обладающая всеми возможными добродетелями, она символизировала идеальную женскую ипостась, образ «женщины-ангела» - чистая, целомудренная, благочестивая, кроткая, верная, послушная, богобоязненная.

С приходом эпохи Возрождения общество вновь обратилось к античной культуре и философии, и в литературе появляются сюжеты, воспевающие женскую красоту и

чувственные переживания. Средневековые повествования об опасности, исходящей от женщин, и прежние церковные нападки в адрес женского пола постепенно сменяются более спокойным, утонченным отношением к женщине. Жизнь светского общества полностью преобразилась и дала новое развитие культурной модели Прекрасной дамы, образ которой совершенно изменился и стал приобретать куртуазную форму, при этом дихотомия образа «женщина-ангел» и «женщина-демон» сохраняется.

Далее наступила эпоха Просвещения, которая, с одной стороны, ознаменовалась яркими научными, географическими и техническими открытиями, а с другой, послужила возвращению общества к традиционной патриархальной культуре, наделяя ее строгими пуританскими нравами. Жесткие нормы, ограничивающие права женщин, накладывали определенные обязательства на женщин и сводили их основную роль к исполнению функций хранительницы домашнего очага, жены и матери.

Однако, уже в конце XVIII века в литературе появляются первые феминистские тексты, в которых присутствует призыв к борьбе за права женщин. Английская активистка Мэри Уолстонкрафт в своем эссе «В защиту прав женщин» (1792) одной из первых выступила за свободу женщин, за их право на обучение и труд. Позже во французскую литературу под псевдонимом Жорж Санд вошла писательница Аврора Дюпен, которую принято считать одной из самых ранних сторонниц женского равноправия. В своих книгах она направляла критику на жесткие католические устои и поднимала многие вопросы о положении женщин в обществе.

В середине XIX века в литературе начинают появляться новые женские образы и новые модели женственности, как например, ипостась «женщины-демона» - «роковая женщина» (*femme fatale*) - «соблазнительная, полностью независимая от мужчины и безжалостная» (Короленко 1994). Демонические свойства «роковой женщины» связывались с невероятной красотой и обольстительностью, властью над мужчинами и неспособностью к жалости. Этот женский образ был часто окружен ореолом трагичности, так как в итоге женщина приносит гибель тем, кто находится рядом или сама становится жертвой. В дальнейшем в обществе постепенно происходит изменение патриархальных взглядов и представлений, благодаря чему в литературе стала сглаживаться четко выраженная оппозиция образов «женщины-ангела» и «женщины-демона».

В конце XIX - начале XX века общество продолжает переживать научно-технический прогресс, в обществе распространяются идеи феминизма, начинается формирование современных общественных институтов - семья и брак, образование, политика, экономика,

культура, происходит расширение женских прав – избирательные права, право на образование и труд.

Под влиянием идей феминизма в истории литературы появляется новый подход к исследованию текстов, написанных авторами-женщинами, таким образом влияя на расширение роли женщины в культурном пространстве. Гинокритика актуализирует значение женщин-писательниц в истории литературы и литературного канона, анализируя и оценивая все формальные и неформальные тексты, написанные женщинами, начиная от поэзии и романов до дневников и писем. В дальнейшем гинокритика расширяет границы исследуемых текстов, уделяя особое внимание темам, которые доминируют в творчестве женщин-авторов (семейная жизнь, беременность, роды, материнство, материнско-дочерние отношения, и другие темы, где личные и интимные переживания находятся на переднем плане). Гинокритики придают важное значение женскому субъективному опыту, чувствам, ощущениям, ценностям, утверждая, что особое «женское» восприятие мира является причиной, почему они говорят и пишут не так, как мужчины (Cimdiņa, Šroma 2017).

Под влиянием феминистской критики начинает формироваться особый тип «женского письма», которое, по словам Сиксу, может помочь женщинам освободиться от навязанных патриархальным обществом взглядов и трансформировать собственную историю: «Женский текст - это больше, чем просто разрушение устоев. Это вулкан: когда он написан, он срывает кору старого наследия маскулинной культуры; другого пути нет» (Сиксу 2001). Благодаря французским феминисткам Э. Сиксу, Ю. Кристевой, Л. Иригарэ в обществе также актуализировались вопросы, связанные с проблемами сексуальной идентичности и самоидентификации женщины.

Таким образом, патриархальная культура постепенно ослабевает, устойчивые культурные модели трансформируются под влиянием значительных изменений в обществе, у женщин появляется голос – «женское письмо» и «женское литература». На волне феминизма в начале XX века в культуре возникает образ «новой женщины», который постепенно трансформировался в сложный образ, сочетающий в себе не только типичные женские (фемининные), но и мужские (маскулинные) черты – это уверенная в себе, финансово независимая, сексуальная, свободная от традиционных предубеждений, женщина. Можно сказать, что образ «новой женщины» очень уверенно вошел в литературу и занимает место наравне с другими традиционными женскими репрезентациями. «Женщины с чувством собственной значимости и независимости стремятся сочетать карьеру с материнством. Они считают, что образование и способность зарабатывать деньги необходимы для равноправия в современной жизни. Все большее число женщин старается сделать карьеру в одиночку,

до замужества, и выйти замуж в качестве независимого партнера, осознающего свои возможности и прочувствовавшего свою индивидуальность... Таким образом происходит изменение прежних имиджей женщины в современном обществе, старые мифы постепенно отступают...» (Короленко 1994).

Итак, если в традиционной патриархальной культуре долгое время существовала строго различимая оппозиция светлого и темного женских ликов, то в настоящее время репрезентации женщин становятся более сложными и многогранными, появляются новые культурные модели, отражающие современную роль женщины в обществе. Под влиянием идей феминизма происходит также сглаживание гендерных различий – «новые женщины» обладают финансовой независимостью и сексуальной свободой наравне с мужчинами, самостоятельно решают вопросы планирования семьи и деторождения. Современная литература позволяет изучить гендерные характеристики и особенности поведения героев в описании современных авторов, а также выявить тенденции в модификации традиционных культурных моделей.

### 1.3. Репрезентации материнства в культуре, обществе и литературе

Исторически один из самых ярких устойчивых образов материнства, закрепленный в культуре и литературе - это образ Мадонны. «Мадонна» – идеальная жена и мать, хранительница домашнего очага. Мягкая, зависимая от мужчины, подчиняющаяся, сексуальность не ярко выражена, всё в рамках приличия, главным образом - забота о доме и семье. Не амбициозна и не озабочена вопросами вне семейной жизни. Основной образ строится на взаимоотношениях женщины с мужем и детьми, а также умении выстраивать гармоничные семейные отношения (Cimdiņa, Šroma 2017).

В мировой культуре материнство долгое время не обладало особым статусом, и традиционно считалось, что главным биологическим предназначением любой женщины является ее способность к деторождению. Обязательность материнства и ухода за ребенком породило долг женщины перед обществом в реализации своей естественной материнской функции. При этом женщине приходилось постоянно находиться под гнетом необходимости воспроизведения на свет потомства (желательно определенного пола), а также жить в страхе оказаться бесплодной, а значит бесполезной. В процессе дальнейшего исторического развития взгляд на роль материнства стал трансформироваться, а экономическое развитие способствовало изменению положения женщины в обществе и переосмыслению феномена материнства. К немаловажным изменениям в этом вопросе привела борьба феминисток с доминирующими патриархальными взглядами в обществе, а также создание государственных социально-политических институтов, направленных на поддержку статуса материнства.

Говоря о современных гендерных исследованиях роли женщины-матери, можно привести несколько научных работ, которые повлияли на изменение концепта материнства в современной культуре. Исследовательницы-феминистки 1970-1980х (Рич, Чодороу, Иригарэ) первыми актуализировали проблему, связанную с тем, что женская способность к деторождению исторически стала основой социальной и культурной дискриминации женщин. В 1980-1990х представительницы философии феминизма (Кристева, Батлер) стали говорить об изменениях роли материнства и женском субъективном опыте.

Одна из ведущих активисток второй волны феминизма Адриенна Рич стала известной благодаря своей книге «Рожденные женщиной: материнство как личный опыт и социальный институт» (1976). Здесь и в своем эссе «Принудительная гетеросексуальность и лесбийская экзистенция» (1980) Рич рассуждает о традиционной роли женщины в обществе и о навязанных ей представлениях о гетеросексуальности, патриархальном укладе

семьи и обязательном материнстве, являющихся формами намеренной эксплуатации женщин.

В своей книге «Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера» (1978) одна из ведущих исследовательниц Н. Чодороу, говоря о гендерной индивидуальности и воспроизводстве материнства, отмечает, что «...нет адекватного объяснения, с точки зрения биологии и теории инстинктов, почему и как женщины начинают выполнять материнские функции... Традиционные феминистские и социально-психологические теории о происхождении гендерных ролей — девочек и мальчиков «учат» подобающему поведению и они «учатся» подобающим чувствам — недостаточны ни эмпирически, ни методологически для объяснения того, как женщина превращается в мать...» (Чодороу 2006: 242-243). Чодороу впервые высказала достаточно нетрадиционное мнение о том, что не существует аргументированных доказательств того, что в женщине биологически заложен безусловный «материнский инстинкт», о котором многие говорят как о само разумеющемся факте.

Свою теорию воспроизведения материнства Чодороу строит на базе психоаналитических исследований (в том числе Фрейда) об эдипальных отношениях между матерью и ребенком и тем самым подчеркивает различия в психических особенностях формирования мужской и женской гендерной идентичности на доэдипальной стадии развития. Чодороу говорит о том, «...что способности к материнству и преданность ему, общие психологические способности и желания, которые являются основой эмоциональной жизни женщины, встраиваются в личность женщины в ходе развития. Поскольку по отношению к самой женщине материнские функции выполняла мать, она вырастает со способностями и потребностями в отношениях, с психологическим определением «себя-в-отношениях», что предопределяет ее материнство... Процессы идентификации и ролевого научения у девочки тоже углубленные и аффективно окрашенные — они включены в межличностные отношения с матерью. У мальчика процессы идентификации и ролевого научения не столько включены в отношения с отцом или мужчинами, сколько состоят в отрицании аффективных отношений с матерью. Эти процессы у мальчика более определены ролью и культурой и состоят в абстрактном, или категорическом, ролевом научении, а не в личной идентификации» (Чодороу 2006: 211, 247-248). Таким образом, по мнению исследовательницы, воспроизводство материнства не является врожденным (биологическим) женским поведением, а подсознательным отражением первичной идентификации девочки с собственной матерью.

Не менее важную роль в формировании исключительной роли женского материнства играет положение мужчин и женщин в обществе, где у женщины во многом predetermined роль домохозяйки, матери и жены, при этом, по мнению Чодороу: «... даже когда мужчины и женщины меняются сферами деятельности, их роли остаются различными. В семье быть мужем и отцом — не то, что быть женой и матерью; чем больше женщина занимается семьей, тем меньше это делает мужчина» (Чодороу 2006: 213). В своей работе Чодороу пыталась не только разобраться в психологических аспектах воспроизводства материнства, но также привлечь внимание к роли женщины-матери в современном обществе и проблеме ассиметричного родительства, тем самым призывая к гендерному равноправию и полноценному участию обоих родителей в воспитании ребенка.

К проблематике материнства также относятся исследования Ю. Кристевой, одной из ярких представительниц постмодернистского направления в философии и литературе. «Обращая все свое внимание на биологические и социальные аспекты материнства наряду с сексуальной свободой и равенством, мы стали первой цивилизацией, пишет Кристева, у которой отсутствует «дискурс о сложности материнства». Пытаясь исправить это упущение, Ю. Кристева уверенно оттачивает наше понимание материнской страсти, креативности и особой женской сублимации» (Макешина 2014). Кристева перосмысливает новую «мифическую» роль женщины-матери, и «...постулирует существование фигуры «оргазмической матери», «матери наслаждения», в которой соединились признаки материнского и сексуального, причем исследовательница связывает ее бытие с бытием «искусства-в-языке», или «языка-искусства» как «материнского наслаждения» (Ильин 1998). Итак, поздние теоритики философии говорят о расширении роли материнства, включающую «...переход от эссенциалистского понимания материнства к постструктуралистскому осознанию материнской субъективности как разнообразной, многосторонней и изменчивой» (Макешина 2014).

Говоря о представлениях о материнстве в русской культуре, российская исследовательница Мицюк обращается к истории материнства, которая активно изучалась американскими руссисстами в 1970-1990х годах. Интерес исследователей был изначально прикован к русской истории и литературе XVIII-XIX веков, в дальнейшем тема исследования стала включать в себя изучение советского материнства. В статьях американских авторов освещалась проблематика истории семьи, материнства и детства в России, стали открываться новые аспекты изучения гендерной истории, в том числе, базируясь на идеях феминизма. По словам Мицюк, американская исследовательница Дж. Товров была одной из первых, кто поставил в центр историю семьи в доиндустриальной России, уделив

внимание изучению материнско-дочерних отношений в дворянских семьях на материале женских дневников и писем. Другим значимым исследованием можно считать работу Б.Энджел «Матери и дочери. Интеллигентные женщины России девятнадцатого века», в которой «...Энджел отметила амбивалентность материнства в России. С одной стороны, материнство было важнейшей социальной ролью для женщин высших сословий, с другой – в отличие от европейских и американских женщин среднего класса, дети не составляли «центрального фокуса» в жизни россиянок» (Мицюк 2015).

По словам Мицюк: «Бурный интерес русистов 1990-х годов к проблемам родительства и материнства советской и постсоветской России фактически отодвинул материнскую тему в иные эпохи российской истории...», однако уже в 2000х годах западноевропейские исследователи «...активно включились в исследование темы материнства в русской литературе и культуре» (Мицюк 2015). Вышло несколько научных работ, таких как сборник докладов международной конференции «Русская культура и гендерные исследования» (сост. Шоре, Хайдер 2003), исследование К. Эконен «Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме» (2014), направленное на изучение дневников, писем и воспоминаний ярких представительниц Серебряного века (З.Гиппиус, Л. Зиновьевой-Аннибал, П. Соловьевой и др.), в том числе затрагивая их отношение к материнству.

Говоря о репрезентации материнства в западноевропейской и американской литературе, авторы книги «Textual Mothers / Maternal Texts» (2010) Элизабет Подниекс (Elizabeth Podnieks) и Андреа О'Райли (Andrea O'Reilly), ссылаясь на работы Сары Раддик, отмечают, что женские образы в литературе часто продолжают нести за собой навязанные культурным сознанием дихотомию культурных моделей, где идеальная мать - бескорыстная, жертвенная и домашняя, как ангел/Мадонна («хорошая»), а ее противоположность - эгоистичная, ищущая независимости от детей женщина, оценивается как шлюха/Магдалена («плохая»). (“Indeed, as Sara Ruddick reminds us, the “idealized figure of the Good Mother casts a long shadow on many actual mothers’ lives” (31). This shadow looms in the construction of textual mothers, too, as writers draw on age-old dichotomies to position the mother who is seen to be selfless, sacrificial, and domestic as angel/Madonna (“good”), the mother who is judged to be selfish for seeking autonomy beyond her children as whore/Magdalene (“bad”)”) (См.: Podnieks, O'Reilly 2010: 4).

По словам американских исследовательниц, в западной литературной традиции четко выражен период XVIII - начала XIX века, когда мать присутствует физически, но эмоционально отсутствует в сюжете, ориентированном главным образом на героиню-дочь

и ее переживания. В дальнейшем роль матери стала постепенно трансформироваться, и сейчас в современных нарративах часто встречается амбивалентная роль матери, которая проявляется в разоблачении идеального материнства, часто с юмористическим оттенком описания своего опыта. В противовес устойчивым классическим канонам современные авторы-женщины все чаще готовы откровенно делиться с читателем своим глубоким эмоциональным и физиологическим материнским опытом, который отнюдь не идеален. И все это потому, что ни одна мать не может вечно жить под идеально безупречной маской материнства, а скинуть маску - значит показать себя неполноценной, неудавшейся матерью (“Because no mother can live the idealized perfection of the mask of motherhood, to unmask oneself is to “out” oneself as a flawed, if not failed, mother”) (См.: Podnieks, O’Reilly 2010: 4).

Говоря о современной российской женской прозе, исследовательница И. Савкина отмечает, что уже с начала 1990х годов традиционные культурные модели материнства подвергаются сильной модификации у авторов-женщин: «Материнское начало на страницах романов Льва Толстого, Ивана Гончарова, Ивана Аксакова - дающее, оберегающее, защищающее. Современные писательницы не лишают своих героинь этих качеств, напротив, они их подчеркивают, педалируют, доводят до крайности, и материнство в их изображении теряет ореол мягкости, теплоты, идиличности, но предстает как форма власти, собственности и деспотизма... Любящая мать становится мучителем и палачом, отношения ее с ребенком строятся как изнурительная борьба не на жизнь, а на смерть» (Савкина 1996). В женских текстах появляются мотивы, раскрывающие «теневую» сторону материнства: нежеланные дети, аборт, неудачные роды и другие ранее табуированные темы.

Учитывая изменения традиционных представлений о материнстве в обществе, можно сказать, что идеальная модель матери (Мадонна) постепенно подвергается модификации, во многом уступив место отображению реального материнского опыта, не всегда идеального. При этом, по словам Бичаровой, «...в обществе принято считать, что материнство автоматически приносит с собой счастье, наполняет жизнь смыслом. Любое поведение, оспаривающее эту социальную установку, воспринимается как девиация... Чем более общество консервативно, тем жестче осуждается любая нестандартность, в том числе и поведение женщины, исполняющей роль матери, если оно не соответствует социально предписанным нормам» (Бичарова 2017). Так, например, не так давно возник феномен «сожалеющее материнство» (regretting motherhood), в котором раскрывается еще одна проблема материнства, о которой не принято говорить в обществе. Этот феномен во многом отражает «...несоответствие между собственными потребностями и ожиданиями общества... Миф о том, что материнство приносит счастье, сильно воздействует на женщин

и оказывает давление» (Бичарова 2017). При этом традиционные представления о материнстве продолжают подвергаться модификации в современном обществе. Об этом, например, свидетельствует один из актуальных социокультурных феноменов нашего времени, который сформировался в современном обществе под влиянием идей феминизма и свободы «репродуктивного выбора» женщины – это понятие «чайлдфри», сознательный отказ от материнства. Изначально ориентированная на женщин, в дальнейшем эта идеология обрела немалое количество сторонников и со стороны мужчин, а мировая статистика лишь подтверждает значительный рост добровольно бездетных супружеских пар (Бичарова 2015). Пока трудно сказать, насколько сильно повлияет феномен «чайлдфри» на традиционные представления о материнстве, тем не менее эта проблематика постепенно становится важной частью современного гендерного дискурса, а также проникает в современную научную и художественную литературу.

Итак, современное гендерное устройство общества становится более неоднородным, репрезентации материнства во многом трансформируются под влиянием новых социокультурных феноменов, как, например, чайлдфри, суррогатное материнство, отложенное материнство, ЭКО, нетрадиционный брак и новые модели семьи, которые влияют на роль материнства в современном мире, а также отражают тенденции к модификации традиционной культурной модели Мадонны. При этом исторически сложившийся стереотип о материнстве, как естественном биологическом предназначении женщины, продолжает доминировать в общественном сознании, не смотря на стремительные изменения, а миф о хорошей (идеальной) матери часто оборачивается фрустрацией женщины по отношению к исполнению своего материнского долга.

#### **1.4. Генеалогия женщин, как один из аспектов исследования женских образов в литературе. Матрилизационный нарратив**

*Карл Юнг: «Каждая мать содержит в себе свою дочь и каждая дочь - свою мать. Каждая женщина имеет продолжение позади себя, в своей матери, и впереди себя, в своей дочери.»*

Многие представительницы феминизма обращались в своих исследованиях к проблеме отношений матерей и дочерей, как одной из важных составляющих феминистского дискурса. В данной проблематике также заложена амбивалентная модель отношений матери-дочери, в которой сочетаются любовь и ненависть, при этом под угрозой часто находится осознание личностной идентичности и матери, и ребенка. «Матери в гендерном воспитании отводится основная роль. Например, считается, что разное отношение матери к воспитанию сына и дочери определяет то, как они воспринимают себя. Девочки напрямую идентифицируются с матерью, их отношения строятся на взаимном влиянии и поддержании своей общей «женскости» (Омельченко 2006).

В психологических исследованиях часто говорится о необходимости «сепарации» (отделение от матери), как об одном из важных этапов развития ребенка и показателе его взрослости и зрелости, в обратном случае в отношениях матери-ребенка будут складываться конфликтные ситуации и недовольство по отношению друг к другу. По словам Чодороу «...те самые способности и потребности, которые формируют женщину-мать, создают потенциальные противоречия в исполнении материнских функций. Материнское чувство единения с младенцем может незаметно перейти в слишком тесную связь и недостаточную отделенность между ними. Эмпатия и первичная идентификация матери обеспечивают способность предвосхищать потребности ребенка, однако могут перерасти в бессознательное навязывание ребенку того, в чем он, по мнению матери, должен нуждаться... Это показывает, что в основе материнского отношения зачастую лежит конфликтная, амбивалентная, сильнейшая потребность женщины в своей собственной матери. Женщина превращает ребенка в средство восполнения собственной эмоциональной, а порой даже эротической потребности, не удовлетворенной мужчинами или другими женщинами... Эти тенденции принимают разную форму в общении с сыном и дочерью... Дочери могут быть навязаны психологические функции утраченной матери, отчего у девочки окажется недостаточно развито собственное отдельное чувство «Я»» (Чодороу 2006: 249-250).

В своих философских работах Люси Иригарэ рассуждает об идеальных отношениях матери-дочери, как едином целом, и говорит о необходимости создания «женской

родословной». Именно отношения матери-дочери должны послужить преодолению доминирующих патриархальных идей в обществе и сформировать женскую субъективность. По мнению Иригарэ, женщины должны создавать свой собственный мир ощущений, отличный от традиционных мужских представлений, передавая этот субъективный «женский» опыт своим дочерям (См.: Pinggong 2018).

Говоря об отношениях матери-дочери в своей книге «Рожденные женщиной: материнство как личный опыт и социальный институт» (1976) Адриенна Рич делает акцент на том, что конфликты в отношениях матери-дочери напрямую связаны с пассивностью матери и ее готовностью смириться с общественным мнением. По словам Рич, именно неуважительное отношение к женщинам в обществе порождает такое же негативное отношение дочери к своей матери и ведет к разрыву их отношений (См.: Walters 1992).

В свою очередь американская исследовательница С. Уолтерс (S. Walters), выступая против навязанных мужских представлений об отношениях женщин, призывала феминисток непременно обращаться к анализу отношений матери и дочери, потому что они являются центральной связью между женщинами. По Уолтерс, переосмыслить материнско-дочерние отношения – значит, принять к сердцу смысл «женской идентификации» (“Feminists must analyze the relationship of mother and daughter because it exists as a relationship, a central nexus, between women... To rethink mother daughter relationship is to take the meaning of woman identification to heart”) (См.: Walters 1992).

Говоря о генеалогии женщин, как одном из аспектов исследования женских образов в литературе, а также об исследованиях материнско-дочерних отношений в западной и русской литературе, можно привести несколько современных работ, посвященных этой теме исследований.

Одно из современных исследований материнско-дочерних отношений французских психоаналитиков К. Эльячефф и Н. Эйниш построено на изучении такого типа отношений в литературе и искусстве. В своей работе авторы обращаются к известным литературным текстам и кинофильмам чтобы показать вариативность материнско-дочерних отношений – от удовлетворительных/хороших до негативных/фрустрирующих, при этом отношения матери и дочери рассматриваются и с точки зрения объективной позиции матери, и с точки зрения субъективных переживаний дочери. Исследование показало, что материнская позиция в материнско-дочерних отношениях непостоянна, она меняется в зависимости от самоидентификации женщины, временных обстоятельств, возрастных характеристик матери и дочери, а также других факторов: «Если «хорошие матери» существуют только в

воображении людей, идеализирующих семью, еще меньше можно ожидать, что существуют взаимоотношения между матерью и дочерью, которые, несмотря на специфические трудности, все время сохраняются неизменными» (Эльячефф, Эйниш 2006: 430).

Российская исследовательница Е.К. Созина при создании своей типологии материнско-дочерних отношений в русской классике второй половины XIX века также опирается на объективную и субъективную оценку таких отношений. По словам Созиной, «...большого разнообразия в изображении материнско-дочерних отношений отечественная литература прошлого столетия не дает, гораздо более проблемными отношениями являются отец-дочь... и мать-сын...» (Созина 2004). Обращаясь к произведениям Достоевского, Тургенева, Островского, Чернышевского, Герцена и Чехова, а также к мемуарам представительниц дворянских семей, исследовательница выделяет восемь классов взаимоотношений нетривиальных, по ее мнению, пар «мать-дочь», которыми характеризуются тенденции в развитии русского этоса.

По Созиной, первый класс материнско-дочерних отношений – это гармонические отношения матерей и дочерей, в целом положительно оцениваемые с человеческой, социальной, субъективной и объективной стороны, как, например, отношения Наташи Ростовской с матерью. Вторым классом – отношения матери и дочери, которые соответствуют социальной норме, в них нет любви как таковой, однако, с точки зрения постороннего наблюдателя, семья выглядит достаточно благополучно. Сюда автор относит модель отношений Марьи Степановны и ее дочери из романа Герцена «Кто виноват?» К третьему классу Созина относит материнско-дочерние отношения, которые имеют положительную оценку по всем параметрам, кроме объективного, то есть с точки зрения постороннего наблюдателя отношения не выглядят идеальными. Как например, духовная связь матери и дочери в повести Тургенева «Фауст». Четвертым классом – это положительно оцениваемые по всем параметрам отношения матери и дочери, при этом дочь не чувствует себя счастливой, часто страдает от недостатка любви матери и т.д. Здесь автор приводит в пример мемуары Водовозовой, подчеркивая типичность данной ситуации в дворянских семьях. К пятому классу, по мнению Созиной, можно отнести дисгармоничные материнско-дочерние отношения, несоответствующие социальным нормам, по типу «хозяин-раб», где дочь делает мать рабыней своих капризов, или прообразы злых мачех и несчастных падчериц. Шестым классом материнско-дочерних отношений Созина определяет как «произвол любви-каприза», при этом ненормальность отношений часто выражается в позиции матери, которая не в силах расстаться с дочерью и пытается удержать ее любыми способами. К

седьмому классу Созина относит отношения матери и дочери типа «произвол любви-жертвы», приводя в пример отношения Сони Мармеладовой и Катерины Ивановны, которых вполне устраивают их отношения с человеческой и субъективной точки зрения, однако по объективным и социальным показателям эти отношения неидеальны. Тип материнско-дочерних отношений, относящихся к восьмому классу, Созина определяет как «произвол любви-приятя», при котором мать и дочь фактически меняются местами, а дочь берет на себя ответственность за свою мать, часто потакая ее капризам и желаниям. По словам автора классификации такой тип отношений очень типичен для прозы Чехова (Созина 2004).

В своей статье «История материнства...» Мицюк приводит работу Б.Энджел «Матери и дочери. Интеллигентные женщины России девятнадцатого века» (1983), в которой автором также изучалась тема материнско-дочерних отношений в русском обществе XIX века в свете противостояния молодых дворянских женщин традиционным семейным ролям и устаревшему гендерному порядку. «По сути, исследуя эмоционально-чувственные причины «феминизации» россиянок, она уделила особое внимание взаимоотношениям между традиционно настроенными матерями и эмансипированными, «нигилизированными» дочерьми. По ее мнению, главная причина столь острого конфликта поколений заключалась в отсутствии эмоциональной привязанности между матерями-дворянками и их дочерьми, которые в условиях революционной России с легкостью покидали родителей» (См.: Мицюк 2015).

Далее, говоря об исследованиях материнско-дочерних отношений в русской женской прозе, можно привести статью исследовательницы Н. И. Павловой «Материнско-дочерний метасюжет русской женской прозы», в которой она говорит о том, что «...материнско-дочерние линии повествования, столь отчетливо прослеживающиеся в прозе писательниц разных литературных эпох, существенным образом корректируют взгляд на женскую прозу как литературный феномен, свидетельствуя в пользу потенциальной некоей эстетической доминанты, элемента того, что составляет основу женского художественного мирозерцания, женской практики письма» (Павлова 2013). В своей статье автор обращается к корпусу женских художественных текстов, относящихся к периоду конца XIX - начала XX веков, поскольку по ее мнению «...именно в этот период прослеживается тенденция к более подробному и многостороннему исследованию психофизиологической природы материнско-дочерней связи» (Павлова 2013). По словам исследовательницы «...общим для писательниц отдаленных друг от друга эпох является склонность изображать дисгармоничные материнско-дочерние отношения, окрашенные амбивалентными

чувствами «любви-ненависти», сильной взаимной привязанностью и безнадежным стремлением преодолеть ее» (Павлова 2013). По мнению автора, «...в женских текстах с ярко выраженной линией материнско-дочерних отношений мы сталкиваемся с разыгрыванием одних и тех же, одинаково организованных материнских сценариев, что позволяет нащупать некую общую болевую точку женской прозы» (Павлова 2013). Исследовательница отмечает частотность сюжетов, в которых матери оказывают большое влияние, «...навязывая свою волю и всячески препятствуя жизненному выбору дочери, сдерживают любые проявления ее самостоятельности... Так или иначе, писательницы фиксируют некий общий архетипический сюжет «любви-ненависти» между женщинами на уровне родового начала. И важно то, что в подавляющем большинстве рассматриваемых текстов отношения матери и дочери представлены изолированно от фигуры отца, который зачастую отсутствует в материнско-дочерних сюжетах» (Павлова 2013). Такая закономерность, по словам Павловой, актуализирует психоаналитический подход к анализу текстов. В связи с этим исследовательница задается вопросами, насколько женские тексты могут служить выражением неких глубоких затаившихся конфликтов или стремлением восстановить матрилинеальные отношения внутри собственной семейной генеалогии. «Так или иначе, очевидно одно: эстетически воплощенное переживание сложной, амбивалентной, первоосновной связи «мать – дочь», зафиксированное писательницами разных литературных эпох, позволяет видеть специфичность творческого самораскрытия женского субъекта» (Павлова 2013).

Изучая вопросы, связанные с проблематикой материнства в современной женской литературе, исследовательница Г. Улюра отмечает, что «... отчуждение дочерей-героинь от матерей в новейшей женской прозе (в основном именно эти персонажи реализуют право голоса; взгляд с позиции «мать–дочь» – явление более редкое) воспринимаются как отчуждение того, что им принадлежит, и одновременно того, кем они являются на самом деле... Воспоминание в сюжетах о воспроизводстве материнства для женщины-прозаика – элемент очень значимый (в том числе и в повествовательном плане), поскольку память всегда включена в освоение мира, в котором героине предстоит научиться быть женщиной и матерью. Память о матери есть условие «преображения» женского персонажа классического произведения в действующий субъект феминной альтернативы. Действие, о котором в этом случае идет речь, касается в первую очередь сферы языка и говорения: озвученное воспоминание в женском тексте создает дискурс, адресованный в идеале самой себе, а в плане горизонтов ожидания – читательнице, имеющей общий с рассказчицей опыт или способной его вообразить...» (Улюра 2015).

По словам исследовательницы В. Хэффернан (V. Heffernan), современные писательницы часто обращаются к семейной истории с точки зрения повествования героев по женской линии, таким образом, авторы пытаются исследовать аспекты формирования «женской» истории семьи, преимущественно изучая коммуникацию между матерью и дочерью, а также их более старшими предками по женской линии. В своем исследовании автор в первую очередь фокусируется на роли матери, как центральной фигуре семейного исторического нарратива о войне у современных немецких женщин-авторов. Говоря о матрилинеальном нарративе, Хэффернан отмечает, что современные писательницы открывают для себя новые повествовательные формы и нарративные структуры, все чаще предоставляя право голоса своим героиням (мать, дочь, сестра, жена), чье видение истории во многом отличается от мужского, тем самым предлагая более широкую перспективу взгляда на исторические события. «Женская» перспектива также смещается в сторону повествования от лица дочери, что ведет к более честному диалогу между матерью и дочерью, в котором проявляется женская субъективность обеих сторон. Здесь Хэффернан ссылается на работу «Материнско-дочерний сюжет» (“The Mother/Daughter Plot” 1989) исследовательницы М. Хирш, которая, в свою очередь изучая литературные тексты XX века, заметила, что повествование от лица дочери часто лишает голоса матери. Хирш призвала авторов-женщин к формированию диалога дочери и матери, так как только в комбинации двух голосов может проявиться женское коллективное самосознание. Хирш также предложила ввести определение «феминистского семейного романа», где два субъекта, мать и дочь, говоря друг с другом и существуя в пространстве семейного и общинного контекста, способствуют проявлению субъективности каждой из сторон (См.: Heffernan 2015).

В свою очередь, также опираясь на работу Хирш о материнско-дочернем сюжете и предложенную Лорде структуру матрилинеального нарратива в виде триады бабушка-мать-дочь, исследовательница И-Лин Ю (Yi-Lin Yu) расширяет концепцию матрилинеального нарратива от пары «мать-дочь» к триаде «бабушка-мать-дочь» и предлагает термин «новые феминистские семейные романы» для описания матрилинеальных повествований, в котором роль отца практически ничтожна и фактически заменяется на материнскую фигуру бабушки. Автор концепции намеренно расширяет понятие матрилинеального нарратива о трех поколениях женщин, с целью дать слово главным протагонистам по женской линии - дочери, матери и бабушке. По отношению к данному типу нарратива автор приводит определение исследовательницы Косслетт (Cosslett), которая отмечала, что в нем «...рассказывается история нескольких поколений женщин одновременно, или

показывается, как личность главного персонажа решающим образом формируется под влиянием ее предков-женщин» (См.: Podnieks, O'Reilly 2010).

Говоря о роли бабушки во взаимоотношениях по материнской линии, исследовательницы Эльячефф и Эйниш отмечают, что бабушка часто становится «матерью-заместительницей», при этом отношения матери и матери-заместительницы часто сопровождаются конфликтом. Так, например, «...очень милой бабушкой становится женщина, у которой часто возникали конфликты с собственной дочерью, когда она сама была только матерью, но позже ей удается найти разумный способ общения с внуками, что у нее не получалось в общении с собственными детьми» (Эльячефф, Эйниш 2006: 362). В качестве матери-заместительницы может выступать не только бабушка, но, как правило, конфликт между матерью и матерью-заместительницей неизбежен: «...как только у ребенка появляется мать-заместительница, между нею и родной матерью неизбежно возникает соперничество, даже если родная мать сама решает обратиться к ней за помощью и полагает, что это единственно верное решение. Так происходит в случае, когда биологическая мать отказывается от ребенка, а приемная мать заменяет собой родную» (Эльячефф, Эйниш 2006: 359).

Таким образом, расширяя границы исследования материнско-дочерних отношений и принимая во внимание генеалогию женщин, как один из аспектов исследования материнства, можно уверенно сказать, что в триаде матрилинеальных отношений роль бабушки (мать матери) также имеет большое значение. В таком случае объектом исследования может выступать устойчивая триада женских образов «бабушка – мать – дочь/внучка», в которой отражается материнская линия на трех уровнях взаимоотношений литературных героинь: бабушка-мать, мать-дочь, бабушка-внучка, и внутри этих семейных отношений можно изучить характеристики женских образов и мотивы их поведения.

Итак, анализируя характеристики материнского поведения на трех уровнях женских взаимоотношений (бабушка – мать – дочь/внучка), можно исследовать особенности репрезентаций материнства в литературе и выявить современные тенденции в представлениях о материнстве с точки зрения современных авторов.

## **Глава 2. Репрезентации материнства в романах Норы Икстены «Молоко матери» и Елены Чижовой «Время женщин»**

### **2.1. Социокультурный контекст Норы Икстены «Молоко матери» и Елены Чижовой «Время женщин»**

Романы Норы Икстены «Молоко матери» и Елены Чижовой «Время женщин» выбраны для исследования в связи с тем, что в данных произведениях присутствует матрилинеальный нарратив и представлена устойчивая триада главных женских образов бабушка – мать – дочь/внучка. При этом в каждой триаде присутствует мать-одиночка, родившая дочь вне брака; в обоих случаях дочь не знает о своем отце, и его судьба остается неизвестной. Матрилинеальный нарратив главным образом характеризуется тем, что повествование ведется о нескольких поколениях женщин с минимальным присутствием мужского голоса. И, действительно, в представленных романах мужские персонажи часто являются второстепенными или полностью отсутствуют, что говорит о желании авторов-женщин обратиться в первую очередь к женскому субъективному опыту через отображение преимущественно матрилинеальных отношений в художественном тексте.

Художественное время в обоих романах соответствует примерно одному и тому же историческому периоду второй половины XX века (1940-1980е годы), таким образом, местом действия в романах является территория СССР, а именно города Рига и Ленинград (Санкт-Петербург). Говоря об отражении советской эпохи в текстах, можно отметить, что в романе Икстены «Молоко матери» это касается значимых социально-политических событий (приход советской власти, депортация латвийских жителей в Сибирь, имена государственных деятелей) а также повседневного уклада жизни (советская пропаганда, обязательная военная подготовка в школе, молочная кухня, самиздат). У Чижовой в романе «Время женщин» упоминаются такие социально-политические события, как например, «дело врачей», денежная реформа, полет Гагарина (1961), а также другие приметы эпохи, например, запись на покупку телевизора, очередь на жилье, нормирование продуктов и т.д.

В рамках исследования репрезентаций материнства, нужно принять во внимание социалистический образ жизни героев, а также важные социокультурные особенности, характеризующие роль женщины-матери в СССР. Идеологическая система выстраивала образ идеальной советской женщины, принимающей активное участие на рынке труда и в общественной жизни, таким образом формируя так называемый «контракт работающей матери», согласно которому «...общественная роль женщины предполагает оплачиваемую занятость в сфере общественного производства. Ее семейная роль включает

неоплачиваемый домашний труд и выполнение экономически и символически значимых функций супруги и матери с опорой на социальные сети родства и дружбы» (Здравомыслова, Темкина, 2015).

На роль женщины в советской семье возлагались рождение и забота о ребенке, обязанности домашнего быта, а также обязательное участие на рынке труда, для мужчины же отводилась только роль кормильца/добытчика, от этого происходил явный дисбаланс семейных обязанностей. Таким образом, постепенно стала создаваться модель семьи с контролирующим центром в лице женщины, которая могла обеспечить большинство функций в семье. «Женщины должны были мобилизовывать все доступные ресурсы для выполнения обязанностей: бабушки и другие родственники, с одной стороны, блат и связи, с другой, — были важнейшими ресурсами для обеспечения заботы и функционирования советского быта в условиях дефицита (мест в детском саду, качественных предметов потребления и услуг, жилья и пр.) Реальные повседневные практики работающей матери/семьи предполагали тройную нагрузку, включающую мобилизацию сообщества, матрифокальность и постоянное маневрирование в условиях дефицита... Эти практики позволяли обеспечить совмещение ролей, опираясь и рассчитывая не только на государство. Правила повседневности складывались как непреднамеренные последствия официального контракта. Через них происходило приспособление к структурным напряжениям приватной и публичной сферы» (Здравомыслова, Темкина 2015).

В то время, как привлечение няни к уходу за ребенком в США и Западной Европе было достаточно распространенным явлением уже в 70-80х годах XX века, в советское время это было скорее исключением из правил. «Со стороны государства такую поддержку обеспечивали государственные детские учреждения (ясли, детские сады, организация продленного дня в школах, клубы и дома пионеров и школьников, детские и пионерские лагеря отдыха). По возможности родители прибегали также к помощи родственников старшего поколения, которые, как и положено членам семьи, вносили свой вклад в воспитание ребенка. При этом воспроизводилось гендерное разделение заботы. Существенный вклад в заботу о ребенке вносила бабушка — именно в заботе о внуках заключается ее основная функция...» (Жидкова, Здравомыслова 2009). Родная мать естественным образом участвует в уходе за детьми, однако ее отношения с матерью (бабушкой) и детьми (внуками) часто нельзя назвать идеальными. При этом дети/внуки обычно имеют сильную привязанность к обеим женщинам, не смотря на возможные сложности и внутрисемейные конфликты.

Итак, традиционно в советской и постсоветской культуре бабушка занимает особое место в семье и часто берет на себя роль матери, вынужденно или добровольно, в зависимости от ситуации, занимаясь воспитанием внуков, пока ее настоящая мать отсутствует, работает или занимается устройством личной жизни. «Роль бабушки предполагает определенные паттерны поведения, от бабушек ждут помощи, как правило, в воспитании внуков... Для внуков бабушки становятся «старшей мамой» (Горохова 2016).

Анализ матрилинеального нарратива дает возможность исследовать репрезентации материнства с точки зрения участия обеих женщин (и матери, и бабушки) в жизни ребенка. Анализируя женские образы и поведение героинь в современных литературных текстах, можно выявить тенденции в формировании представлений о материнстве и выявить оценку материнства современными авторами.

## **2.2. Нора Икстена «Молоко матери» (N. Ikstena 'Mātes piens')**

Роман «Молоко матери» латышской писательницы Норы Икстены был впервые опубликован в 2015 году, а в 2016 году был издан перевод книги на русский язык. Хронологически время повествования представлено в период 1940-1990х годов: повествование от лица Дочери начинается с даты ее рождения 15.10.1969 г., рассказ Матери начинается с воспоминаний, датированных 22.10.1944 г.

Главными действующими лицами в романе являются Мать, Дочь и Мать матери (бабушка). Матрилинеальному нарративу свойственно отсутствие мужского голоса или минимальное мужское присутствие в тексте. В романе Икстены в роли основного мужского персонажа выступает отчим матери, однако, герой хоть и принимает участие в решении бытовых вопросов, в общем и целом не влияет на решение проблемных ситуаций, которые в большей степени возникают по причине сложных взаимоотношений женщин внутри семьи. Автор создает положительный образ отчима матери, о нем по-доброму отзываются и Мать (дочь его жены от первого брака): *«Мне понравился мой статный отчим...»* (Икстена 2016: 12), и Дочь (внучка): *«Я училась усердно и всегда считала часы в ожидании послеобеденного времени, когда меня встречал отчим матери. Он заметно старше других отцов и мам, любая вещь на нем была как с иголки, и ростом он выше всех... Потом мы шли домой, где меня ждет самый вкусный в мире ужин, приготовленный отчимом...»* (Икстена 2016: 28).

Говоря о других мужских персонажах, можно отметить, что роль отца Матери в тексте практически ничтожна, так как его вскоре заменил новый муж Матери (отчим), а судьба отца Дочери после ее рождения так и остается неизвестной.

По задумке автора главные женские персонажи в романе не имеют имен, а представлены в своих основных ипостасях – Мать матери, Мать и Дочь. Нарратив произведения характеризуется двумя сюжетными линиями и двумя рассказчицами – Мать и Дочь, от лица которых ведется повествование в книге. В процессе исследования были проанализированы характеристики женских образов и взаимоотношения героинь на трех уровнях матрилинеального нарратива: Мать <-> Дочь, Мать матери <-> Мать, Мать матери <-> Дочь. На всех представленных уровнях прослеживается очень тесная связь героинь, при этом отношения между ними строятся по-разному.

Таким образом, в романе можно выделить три основные женские линии, определяющие материнско-дочерние отношения, в которых можно выявить доминирующие характеристики материнства:

- Первая женская линия (отношения Матери и Дочери)
- Вторая женская линия (отношения Матери матери и Матери)
- Третья женская линия (отношения Матери матери и Дочери (внучки))

### **2.2.1. Первая женская линия**

Мать и Дочь являются центральными персонажами, от чьего лица ведется повествование в романе. Образ Матери в романе раскрывается через ее личные воспоминания, а также воспоминания ее Дочери.

В начале сюжета Мать – молодая незамужняя женщина, мать-одиночка, родившая ребенка в 25 лет, воспитывающая дочь без отца, по профессии – врач-гинеколог. Основные характеристики – критичная по отношению к себе и окружающим, циничная, амбициозная, холодная, отстраненная, жёсткая, увлечённая работой, наукой, талантливая молодая врач. Говоря о внешности героини, Дочь вспоминает: *«...была ли она привлекательной? Да, особенно, когда похудела. Тонкие кости, круглые крепкие груди. Светлые волосы, иногда она их слегка выбеливала. Летом кожа в веснушках, маленькие руки»* (Икстена 2016: 17).

В первой части повествования Мать живет под одной крышей со своей матерью и отчимом, здесь же рождается ее Дочь, появившаяся на свет вне брака, заботу о которой она сразу же передает своей матери и отчиму, и даже лишает Дочь материнского молока в первые дни жизни: *«Ее не было пять дней, и вернулась она с болью в груди; сгорело молоко...»* (Икстена 2016: 8) Символическое прекращение кормления грудным молоком своего ребенка во многом отражает желание Матери как можно раньше разорвать материнско-дочернюю связь, и далее этот вектор отношений приводит к полному отстранению Матери от Дочери и ее

жизни. Таким образом, воспитание Дочери вынуждена взять на себя Мать матери (бабушка), а сама Дочь так говорит об этом: *«Своими родителями я считаю мать матери и отчима матери. Мать пребывала где-то за пределами нашего семейного существования»* (Икстена 2016: 16). И, действительно, отношения Матери и Дочери имеют под собой комплекс сложных чувств и эмоций, который развивается и трансформируется в течение всего романа.

Мать в первую очередь хочет жить для себя, она много учится, работает, занимается наукой: *«Мне удалось осуществить свою мечту – поступить в медицинский институт. Возможно, это было счастливым стечением обстоятельств и той одержимости, с которой я шла в медицину. Здесь правила бал незримая мафия врачей, державшаяся на сильных традициях еврейских семей... Пришлым внедриться в нее было трудно. Но меня было трудно удержать»* (Икстена 2016: 23). Матери достаточно наблюдать за жизнью Дочери со стороны, ведь сейчас она по-настоящему одержима своей работой: *«Когда матери случилось на ночь остаться дома, она бодрствовала при свете настольной лампы, курила, пила кофе склонившись над горой медицинских книг и энциклопедий... Я не помню маминых прикосновений, зато помню ее исколотое бедро, на котором она тренировала уколы шприцем...»* (Икстена 2016: 10-11).

Итак, отношения между Матерью и Дочерью не идеальны. Пока Мать и Дочь живут в одном доме с Матерью матери и отчимом, Мать почти не участвует в жизни Дочери, добровольно передав всю заботу о ней своей матери, Мать и Дочь между собой почти не общаются: *«...двигаюсь в направлении улицы Энгельса. Мимо нашего дома, где отчим готовит завтрак, а мать перед школой заплетает косички моей дочери. Мимо их жизни, в которую я не вписалась и где обитаю как привидение из другого мира»* (Икстена 2016: 26). В материнско-дочерних отношениях еще долгое время чувствуется очень большая дистанция и отстраненность, и лишь одно обстоятельство способствует их сближению друг с другом, - это вынужденный переезд из Риги в маленький латвийский городок, куда Матери приходится переехать на работу из-за конфликта с руководством.

Под гнетом давления системы, в вынужденной ссылке, Мать ощущает надлом и с трудом справляется с накатывающей на нее безысходностью, начинает злоупотреблять сигаретами, алкоголем и таблетками, что в итоге приводит ее к нескольким попыткам самоубийства. Дочь всегда оказывается рядом и спасает Мать от душевного разлада, заботится, беспокоится о ней: *«Никто лучше меня не знал ее светлые и темные стороны и не умел уловить момент, когда ей опять захочется соскочить с поезда жизни...»* (Икстена 2016: 45). В результате их отношения складываются таким образом, что Дочь с Матерью

меняются ролями, и, по словам Дочери, ей в какой-то момент пришлось взять на себя ответственность не только за себя, но и за Мать, «...ибо жизнь сложилась так, что мне пришлось стать матерью для своей матери...» (Икстена 2016: 9) После школы Дочь готовила еду, убиралась по дому: «Заботиться о себе мне полагалось самой. Я научилась топить печь и плиту, приносить воду, стирать белье, варить суп...» (Икстена 2016: 35), а также ухаживала за матерью: «Усталая, она часто падала в кровать, не раздеваясь. Я снимала с нее туфли или сапоги и накрывала толстым одеялом» (Икстена 2016: 38).

Постепенно, по мере взросления Дочери, в материнско-дочерних отношениях намечается потепление, их общение друг с другом приобретает душевные нотки: «Мама, сказала я и испугалась этого слова, никогда я так не называла мать» (Икстена 2016: 84) Вскоре Дочь уезжает в столицу, чтобы продолжить обучение в новой школе, и Мать с сожалением понимает, что Дочь будет постепенно от нее отдаляться: «Так теперь будет всегда. Пока смерть нас не разлучит. Она станет приезжать на школьные каникулы, иногда в конце недели. Когда будет занята в школе, не приедет. Когда влюбится, станет приезжать все реже...» (Икстена 2016: 123). После отъезда Дочери, Мать чувствует себя потерянной, она замыкается в себе, продолжает злоупотреблять кофе, сигаретами и успокоительными таблетками, предпринимает очередную попытку самоубийства, попадает в психбольницу. В отсутствие Дочери Мать поддерживает ее близкая подруга Иессе, которая помогает ей справляться с болезнью, при этом Дочь регулярно навещает Мать, и каждый раз Мать по-настоящему оживает, когда Дочь появляется рядом, и эти моменты становятся по-настоящему самыми счастливыми в ее жизни: «Поджидая дочь, я стралась приготовить все самое лучшее...» (Икстена 2016: 151), «Она сама по себе была для нас с Иессе самым большим рождественским подарком...» (Икстена 2016: 161). Связь Матери и Дочери не прерывается до самой смерти Матери, однако истинная нежность и забота звучит именно в словах Дочери. Дочь с самого детства стремится быть ближе к Матери, и именно благодаря ее заботе и поддержке, Мать чувствует себя нужной, ведь Дочь – это единственное, что поддерживает в ней жизнь: «Мама, ...ты помнишь, как ты рисовала маму и ребеночка, ту картинку, на которой они весело пляшут, связанные пуповиной?... У меня странное чувство, что нет больше пуповины, она, как уж положено, перерезана, но мне кажется, ты держишь меня на привязи, невидимой такой, прозрачной, но очень крепкой, и я качаюсь вместе с тобой, с тобою вместе, куда ты, туда и я...» (Икстена 2016: 161).

В итоге Мать и Дочь постепенно сближаются, и их материнско-дочерние отношения меняются к лучшему. Во многом это происходит благодаря Дочери, которая с готовностью берет на себя роль матери для своей Матери, и, несмотря на неспособность Матери быть

идеальной, Дочь любит ее такой, какая она есть: *«Мама, не бойся, все будет хорошо. Только надо хотеть жить, мама. Надо хотеть жить, и все будет хорошо. Я люблю тебя, мама»* (Икстена 2016: 113). Однако, не смотря на постепенное сближение Матери и Дочери, напряжение между ними продолжает сохраняться, и связано оно с тем, что Дочь вынуждена постоянно бороться за жизнь Матери, которая за все это время предпринимает несколько попыток суицида: *«Мне казалось, что я с самого рождения старалась подключить мать к жизни. Будучи еще беспомощным младенцем, неразумным ребенком, пугливым подростком и уже девушкой. А она, как бы мимоходом, выключала свет жизни. И так мы боролись – я включаю, она выключает»* (Икстена 2016: 162). В итоге Мать все-таки побеждает и уходит из жизни еще в достаточно молодом возрасте.

Репрезентация материнства показывает искажение родительской функции и отражает неспособность Матери заботиться о своем ребенке. Незрелое отношение к материнству, пренебрежение ответственностью за воспитание собственного ребенка, а также девиантное поведение Матери еще больше говорит о неспособности героини быть идеальной Матерью: *«...Я не только плохая мать, я вообще не чувствую, что я мать»* (Икстена 2016: 36).

Важно отметить, что сама проблема идеального материнства дискутируется в романе, поскольку в тексте представлены коррелирующие высказывания, где Мать реальная (неидеальная) часто противопоставляется Матери идеальной:

Мать идеальная	Мать неидеальная (реальная)
<p>«Мать кормит ребенка. Ее лицо озарено светом, она вглядывается в чудо, лежащее на ее руках, дарованное Богом. Глаза ребенка глядят на нее беспомощно и доверчиво, мать и дочь – одно целое, молоко материнской груди – живительная влага, которую пьет дитя, и связь их, матери и ребенка, вечная и бесконечная» (Икстена 2016: 8)</p>	<p>«Моя мать, будучи молодым врачом, возможно, знала, что ее молоко ее ребенку может принести больше вреда, чем пользы. Как иначе объяснить ее исчезновение сразу же после родов из дому. Ее не было пять дней, и вернулась она с болью в грудях; сгорело молоко» (Икстена 2016: 8)</p>
<p>«... я вижу ее [мать]... с длинными блестящими волосами, ленточкой на лбу, почти голый большой живот спрятан под цветастой блузкой, на ногах свободные джинсы. Всю иначе – в параллельном мире царит хаос свободы, пахнет трава и пахнет спермой...» (Икстена 2016: 22)</p>	<p>«Я представляю свою мать не студенткой-медиком Советской Латвии, нечаянно нагулявшей ребенка, которого не хотела, и идущей по серой осенней Риге в пальтишке в обтяжку..., сапоги изрядно поношенные...» (Икстена 2016: 22)</p>

<p>«Я представила себе, что она ждет меня. Ждет свою дочь, чтобы отвести домой. Такое хорошее, светлое и чистое чувство. Меня ждет у школы моя мать. Она другая, но она – моя мать» (Икстена 2016: 54)</p>	<p>«Не помню, чтобы хоть раз мать провожала меня в школу или ждала меня после уроков...» (Икстена 2016: 13)</p> <p>«Так непривычно было видеть мать у школы. Для кого-то это было делом привычным, поскольку родители по-прежнему приходили за своими детьми... Встретиться у школы для нас обеих, матери и меня, ситуация непривычная» (Икстена 2016: 55)</p>
<p>«Хорошо бы мать была на работе или, может, дома и ждала бы меня с жареной курочкой и с яблочным пирогом, во что было совсем, ну совсем трудно поверить...» (Икстена 2016: 62)</p>	<p>«Случилось несколько вечеров, когда мать ждала меня с ужином» (Икстена 2016: 83)</p>
<p>«Она погладила мою голову. Это было так непривычно, так ласково» (Икстена 2016: 83)</p>	<p>«Я не помню маминых прикосновений...» (Икстена 2016: 11)</p>
<p>«Поздно вечером я, сияя от радости, бегу домой. Может мать уже ждет меня с ужином?...» (Икстена 2016: 40)</p>	<p>«Мать лежала на своей кровати, рядом с ней опустошенная бутылка водки и какие-то белые пилюли. На ее шее старый мужской галстук, которым она пыталась задушить себя» (Икстена 2016: 40)</p>
<p>«В эту зиму что-то переменялось. Мать казалась спокойной, уравновешенной, и куда-то пропали неотступные страхи, знакомые мне в разных вариантах.» (Икстена 2016: 83)</p>	<p>«... я боялась своей матери. Время от времени в нее словно вселялась почти бесовская сила, рвалась наружу, изничтожая все и вся и, главное, любовь ближних...» (Икстена 2016: 13)</p>
<p>«Мое сердце радостно екнуло. Мы пойдем по грибы» (Икстена 2016: 90)</p>	<p>«В последнее время мать в лес было не вытянуть. Обычно я ходила одна...» (Икстена 2016: 90)</p>

Таким образом, можно сделать вывод, что первая женская линия отношений Матери и Дочери не является идеальной. С самого рождения Дочери Мать избегает общения с нею, полностью переложив заботы о Дочери на свою мать (бабушку), лишив Дочь материнского молока, материнской любви и внимания. Сконцентрировав все свои интересы на работе и добровольно исключив себя из жизни Дочери, Мать долгое время оставалась за пределами сложившегося семейного круга, где Дочь считала родителями Мать матери и отчима матери. В дальнейшем, не смотря на постепенное потепление отношений между Матерью и Дочерью, Мать вынуждена искать заботы у Дочери, так как сама не в силах справиться с жизненными обстоятельствами, и именно Дочь каждый раз спасает Мать от смерти, вовремя оказываясь рядом.

Идеальная ролевая модель Матери, которая предполагает следующие характеристики – добрая, внимательная, любящая, заботливая, теплая, душевная, – в отношениях Мать-Дочь полностью модифицируется, в итоге, Мать не становится полноценной Матерью, она, как ребенок, сама нуждается в заботе и внимании, которых ждет от Дочери: *«Мать слушалась, как ребенок...»* (Икстена 2016: 122). В свою очередь Дочь берет на себя материнскую функцию, заботясь о Матери, как о своем собственном ребенке: *«Мне еще так мало лет, но я чувствовала в себе признаки взросления. Я отвечала за свою мать»* (Икстена 2016: 45).

### **2.2.2. Вторая женская линия**

Мать матери занимает второстепенную роль в повествовании, являясь по сути антагонистом Матери. Мать матери счастлива замужем за вторым мужем, который принял ее когда-то вместе с ребенком и удочерил девочку: *«Мать моя решила не оглядываться назад. Она пошла в жены к отчиму, который удочерил меня и любил как собственного ребенка»* (Икстена 2016: 14). Основные характеристики – любящая, добрая, душевная, заботливая, хозяйственная, переживающая, равнодушная. Образ Матери матери в тексте сконструирован по мотивам воспоминаний Матери и Дочери (внучки).

Главный конфликт Матери матери и Матери разворачивается по причине того, что дочь отказывается заботиться о своем новорожденном ребенке и даже исчезает из дома на несколько дней, чтобы лишить девочку материнского молока. Таким образом, Мать матери вынуждена срочно взять на себя материнскую функцию, ухаживая за младенцем. Недопустимое отношение к ребенку никак не укладывается в сознании Матери матери, так как в свое время она сама старалась сделать всё для здоровья и счастья своего ребенка: *«Она росла в большой любви... Она питалась молоком матери до трех лет. Здоровый, крепкий ребенок»* (Икстена 2016: 107). По словам Матери матери, Мать когда-то была очень милой, хорошей девочкой: *«Где наша хорошая девочка... звездочка, облачко, лебеденок, танцующий на крылышках, сшитых мной. Наша отличница, наша радость, наша зеница ока. Куда она делась?»* (Икстена 2016: 33) и вот прошло несколько лет, и дочь как будто подменили: *«За что такая ненависть? Она, моя девочка, была такой родной... А теперь она хотела прикончить меня. И оставила горошинку без молока матери. Пропала, убежала, оставила свое дитя. Не давала груди...»* (Икстена 2016: 34).

Мать матери, со своей стороны, не стремится к конфликту с Матерью, а, скорее, находится на грани отчаяния из-за ее возмутительного поведения, которое хоть и подвергает постоянной критике, но лишь по причине очень сильного беспокойства за новорожденную внучку. Своими тревогами и волнениями Мать матери делится в основном со своим мужем,

открытого конфликта и выяснения отношений между героинями не происходит. При этом жесткую и непримиримую позицию в конфликте с Матерью матери занимает Мать, которая сначала обвиняла ее в подчинении советской системе и навязывании ей «лицемерного» поведения: *«После смерти отца во мне помаленьку, но очень явно растет ненависть к существующему строю и к моей матери»* (Икстена 2016: 20). Также, по мнению Матери, у Матери матери была возможность еще до войны эмигрировать к брату, живущему в Лондоне, однако она этой ситуацией воспользоваться отказалась из-за позднего срока беременности: *«Категоричное решение матери в дальнейшем определила не только ее жизнь, но и жизнь отца, и мою жизнь. Я невольно винила ее во всем...»* (Икстена 2016: 69). Возможно на негативное отношение дочери к матери, мог также повлиять и тот факт, что Мать матери не дождалась отца, а вышла замуж за другого, в итоге отец, вернувшись через несколько лет после войны, был вынужден прозябать в нищете и вскоре скончался.

Можно отметить, что обе стороны – и мать, и дочь – не пытаются решить созданный конфликт, в итоге они просто избегают общения друг с другом. Дочь ни разу не попыталась пояснить матери свои претензии и недовольство; даже о том, что она навещала родного отца перед смертью, так и осталось для Матери матери неизвестным. Мать, в свою очередь, вместо того, чтобы поговорить с дочерью начистоту и попытаться понять мотивы ее поведения, предпочитает оставить все, как есть, переключившись полностью на воспитание своей внучки. Таким образом, вместо того, чтобы искать выход из сложившейся ситуации, Мать матери и Мать предпочитают отстраниться друг от друга и жить каждая своей жизнью: Мать матери заботится о внучке, Мать уделяет все свое внимание работе.

Конфликт матери и дочери усугубляется еще больше, когда Мать решает забрать свою Дочь и переехать с ней в другой город. Для Матери матери это становится очень сильным ударом: *«Отнимают у нас нашу горошинку. Увозят, отрывают от сердца... Душа, до дрожи в сердце, болит по нашей горошинке... Я сама вытянула горошинку. Выросла горошинка, расцвела... Теперь она ее отняла»* (Икстена 2016: 33-34). Несмотря на переезд, Мать несколько не препятствует общению Дочери с бабушкой, и та продолжает бывать у своих «старых родителей» и часто проводит с ними выходные и каникулы. Однако, общение Матери матери и Матери прекращается полностью, и только внучка становится единственным звеном, соединяющим их друг с другом.

Гораздо позднее, когда заходит речь о переезде внучки обратно в столицу, Мать соглашается встретиться с Матерью матери и отчимом: *«Я не видела их уже несколько лет. Весной, на каникулах, дочь спросила, не могли бы мы наконец, поехать в Ригу, вместе. Мать и отчим уже думают, что я никогда не захочу встретиться с ними...»* (Икстена

2016: 103). Однако, несмотря на сделанные шаги навстречу друг к другу, материнско-дочерние отношения не были восстановлены: *«Мать и отчим время от времени бросали на меня взгляды, полные любви. Я сидела за красивым столом, они все любили меня, но меня здесь не было»* (Икстена 2016: 106). Мать будто бы ощущает себя лишней в этой картине идеальной семейной жизни, которую Мать матери и отчим создали для ее дочери. В дальнейшем мать и дочь еще не раз встретятся, однако, это будут очень редкие встречи, связанные не с самыми лучшими моментами их жизни. В итоге Мать матери переживает очередную попытку самоубийства Матери, ее заключение в психлечебницу, а вскоре и уход дочери, которой на момент смерти исполнилось сорок пять лет.

Говоря о Матери матери, можно сказать, что она действительно была очень привязана к дочери и, судя по ее постоянным переживаниям, никогда не переставала о ней беспокоиться. Вспоминая дочь в детстве, мать говорит о ней только в ласковых и нежных тонах, и только перемены во взрослом поведении Матери вызывают у Матери матери неподдельное беспокойство и тревогу. Мать матери очень огорчена из-за того, что Мать отделилась не только от своей маленькой дочери, но и от нее и отчима, при этом она старается не идти на открытый конфликт с дочерью, но и не способствует решению создавшейся ситуации, не пытается откровенно поговорить с дочерью и выяснить причины ее поведения. По сути Мать матери признает, что она не способна помочь Матери справиться со сложившимися обстоятельствами: *«Мы потеряли ее, что же с ней будет, что с ней будет...»* (Икстена 2016: 107).

В тоже самое время дочь, не смотря на все свои претензии к матери, вспоминая свое детство, в особенности отмечает ее доброту, любовь, заботу, что в полной мере соответствует характеристикам идеальной матери: *«... в отличие от меня она была такой хорошей и заботливой матерью. Она ухаживала за мной и баловала так, как дочь ухаживает сейчас и балует меня.»* (с. 70) Вопреки существующему конфликту, Мать отзывается о Матери матери очень тепло, часто противопоставляя свое неидеальное материнство с идеальным материнством матери. Да и сама мать вторит мнению дочери, часто противопоставляя свое идеальное материнское поведение с неидеальным материнством дочери, часто аргументируя тем, что она, в отличие Матери, не бросала своего ребенка, кормила грудью и максимально заботилась о ней: *«Если бы кто-то забрал тебя у меня, я бы его убила...»* (Икстена 2016: 34).

Таким образом, для второй женской линии материнско-дочерних отношений характерен непримиримый конфликт, при этом роль Матери матери почти идеальна. Ей присущи традиционные характеристики материнства – любовь, доброта, забота, беспокойство за

ребенка, желание быть рядом, помогать. Возможно, мать не способна принять дочь с ее проблемами, однако, она продолжает беспокоиться о ней и взамен переносит всю свою заботу на маленькую внучку, по сути исполняя свою материнскую функцию по отношению к внучке. В целом, образ Матери матери в большей степени обладает характеристиками идеального материнства, которые ярче всего проявляются в противопоставлении неидеальному материнству Матери.

### 2.2.3. Третья женская линия

Дочь является вторым центральным персонажем, от чьего лица ведется повествование в романе. Образ Дочери характеризуется отношениями, которые раскрываются в двух женских линиях Мать – Дочь и Мать матери – Дочь. В связи с тем, что Мать матери взяла на себя материнскую функцию, по сути заменив внучке родную мать, можно проанализировать третью женскую линию отношений бабушки и внучки, как материнско-дочерние. С целью выявления репрезентаций материнства, далее будут проанализированы отношения внучки (в тексте – Дочь) и бабушки (в тексте – Мать матери).

Отлученная от родной матери, Дочь воспитывается своими «старыми родителями», что отражается на ее сильной привязанности к Матери матери и отчиму, именно с ними она проводит большую часть своей жизни: *«Своими родителями я считаю мать матери и отчима матери»* (Икстена 2016: 16). Дочь абсолютно не чувствует себя обделенной вниманием и любовью, ведь родители родной матери своим добрым и чутким отношением максимально компенсировали ей чувство материнской любви: *«Так протекали наши дни, я жила защищенной и любила своих старых родителей больше всех на свете.»* (Икстена 2016: 29). Для Матери матери Дочь является главным центром заботы и любви, она полностью заменила девочке родную мать, вырастив и воспитав ее, и тем болезненней случилось их вынужденное расставание: *«Я сама вытянула горошинку. Выросла горошинка, расцвела. Чистыми, прелестными цветочками. Теперь она ее отняла»* (Икстена 2016: 34). Обе героини – и Мать матери, и Дочь – болезненно воспринимают вынужденное расставание друг с другом, и, не смотря на их частые встречи, Дочь каждый раз остро переживает встречи и расставания с самыми близкими ей людьми: *«Я пыталась свыкнуться с этой болью и радоваться каждой встрече в черед наших встреч-прощаний – с матерью и с моими старыми родителями»* (Икстена 2016: 85).

Вспоминая об отношениях со своей родной матерью, Дочь часто противопоставляет ее сдержанное, отстраненное, равнодушное, по сути, неидеальное материнское поведение (*«Мы с матерью жили каждая своей жизнью»* (Икстена 2016: 54)) искреннему проявлению

любви, нежности, доброты и заботы своих «старых родителей» («Я любила мать матери и отчима, они любили меня» (Икстена 2016: 86)). По мере взросления Дочь привязывается к родной матери также сильно, как и к Матери матери: «Мама, сказала я, и испугалась этого слова, никогда не называла я так мать...» (Икстена 2016: 84), при этом поведение Дочери во многом схоже с поведением Матери матери, ведь она сама, также как и бабушка, добра и заботлива по отношению к своей родной матери, которая, по сути, стала ей «ребёнком». У Дочери абсолютно отсутствует озлобленность на родную мать за то, что она когда-то ее бросила, скорее, Дочь пытается разобраться в мотивах ее поведения и возможно даже оправдать родную мать за неидеальное материнство. Таким образом, именно через противопоставление поведения матери идеальной (Мать матери) матери неидеальной (Мать) автором актуализируются характеристики представлений о материнстве.

<b>Мать идеальная (Мать матери)</b>	<b>Мать неидеальная (Мать)</b>
«Мать матери, пребывая в отчаянии, два дня поила меня ромашковым чаем. После чего отправилась на молочную кухню, где крайне подозрительная докторша обругала ее по-русски, обозвала мою мать сукой, но все же выписала разрешение на получение детской смеси для кормления ребенка» (Икстена 2016: 8)	Все двадцать лет, что я провела с матерью, я не осмеливалась ее спросить, почему она меня, крошечного, беспомощного младенца, оторвала от своей груди... Моя мать, будучи молодым врачом, возможно, знала, что ее молоко ее ребенку может принести больше вреда, чем пользы. Как иначе объяснить ее исчезновение сразу же после родов из дому...» (Икстена 2016: 8)
«...Потом мать матери ведет меня в школу. Ее рука держит мою руку крепко и тепло, и у школы мне всегда грустно расставаться с нею» (Икстена 2016: 28)	«Не помню, чтобы хоть раз мать провожала меня в школу или ждала меня после уроков...» (Икстена 2016: 13)
«Мы обнимаемся, целуем друг друга, и она говорит – беги, горошинка» (Икстена 2016: 28)	«Я не помню маминых прикосновений...» (Икстена 2016: 11)
«Отчим матери готовил завтрак, мать матери гладила мою школьную форму, заплетала мне косички...» (Икстена 2016: 28)	«Мать пребывала где-то за пределами нашего семейного существования» (Икстена 2016: 16)
«Мне всегда стелили чистую постель и клали сложенное стопочкой выстиранное белье и одежду, которую я оставила в предыдущий раз. Два дня в неделю, а иногда несколько дней на каникулах я жила в этом раю» (Икстена 2016: 71)	«Она срослась со своей сигаретой. Моя одежда, которую в городе каждую неделю стирала мать матери, к пятнице пропитывалась вонью дыма...» (Икстена 2016: 54)

«...я жила защищенной и любила своих старых родителей больше всех на свете» (Икстена 2016: 29)	«... я боялась своей матери. Время от времени в нее словно вселялась почти бесовская сила, рвалась наружу, изничтожая все и вся и, главное, любовь ближних...» (Икстена 2016: 13)
«... в дни моих приездов на письменном столе стояла вазочка со свежими цветами и тарелка со всякой вкуснятиной» (Икстена 2016: 71)	«Заботиться о себе мне полагалось самой. Я научилась топить печь и плиту, приносить воду, стирать больше, варить суп» (Икстена 2016: 35-36)
«...Боль от разлуки с моими старыми родителями была невыносимой» (Икстена 2016: 33)	«Иначе было нельзя. Я была ребенком своей матери, и моя мать захотела своего ребенка» (Икстена 2016: 30)
«Я подплыла к ней и крепко обняла. Мгновение мы, сцепившись, качаемся на волнах, материнский клубочек в далеком далеке размотался, и невидимый поводок связал нас крепко-накрепко.» (Икстена 2016: 86)	«Она погладила мою голову. Это было так непривычно, так ласково» (Икстена 2016: 83)
«Как всегда в мои приезды, мать матери готовила мне ванну. Это было самое покойное и самое хорошее чувство в мире – сидеть в теплой ванне и слышать телевизор, что в комнате моих старых родителей» (Икстена 2016: 107)	«Мать слушалась, как ребенок... Вечером я нагрела большой котел с водой и помогла ей основательно вымыться, потеряла спину. Расчесала спутавшиеся волосы, подстригла ногти на ногах и руках» (Икстена 2016: 122)

Таким образом, модель отношений Матери матери и Дочери можно назвать идеальной. Бабушка искренне любит внучку, окружает ее заботой, дарит ей тепло и нежность. Обе героини очень гармонично сосуществуют друг с другом, у них нет никаких противоречий и конфликтов. Их поведение во многом схоже, они обе стремятся проявить свои самые добрые чувства к тем, кого любят. В образе Матери матери отражаются все традиционные характеристики материнства, а роль матери - идеальна.

#### 2.2.4. Репрезентации материнства

Анализируя роман Норы Икстены «Молоко матери», можно отметить, что в данном матрилинеальном нарративе о трех поколениях женщин присутствуют разные модели материнско-дочерних отношений, и в каждой женской линии взаимоотношений литературных героинь можно выявить следующие особенности репрезентаций материнства:

**Первая женская линия** характеризуется неидеальными материнско-дочерними отношениями, и сам образ Матери – неидеален. Девиантное поведение Матери свидетельствует об отклонении от традиционного представления о материнстве, при этом

и сама Мать признает свою неспособность заботиться о ребенке и добровольно «выключает» себя из жизни Дочери: «...*Я не только плохая мать, я вообще не чувствую, что я мать*» (Икстена 2016: 36). Искаженная модель материнско-дочерних отношений также мотивирована тем, что Дочь невольно берет на себя материнскую функцию, заботясь о своей Матери, как о своем собственном ребенке: «... *ибо жизнь сложилась так, что мне пришлось стать матерью для своей матери...*» (Икстена 2016: 9).

Эльячефф и Эйниш определяют такой тип материнского поведения, как «Дочери своих дочерей», и по их мнению этот тип материнства нельзя назвать полноценным. «У дочерей, чьи матери перемещают их на место собственной матери, или принуждают их играть ее роль, никогда не бывает детства, если только им не повезет и рядом не будет любящих отца, бабушки или дедушки, которые будут обращаться с ней как с ребенком, а не маленькой женщиной, так рано сложившейся и «такой смысленной», «сильной» и такой милой со своей мамочкой» (Эльячефф, Эйниш, 2006: 232-235). Таким образом, только благодаря своим «старым» родителям, Дочери удается почувствовать себя маленьким ребенком, о котором заботятся, и прожить своё детство достаточно полноценно.

**Вторая женская линия** отражает неидеальную модель материнско-дочерних отношений, сопровождаемых непримиримым конфликтом между Матерью матери и Матерью. С одной стороны, Мать матери показана любящей и заботливой (идеальная мать), в то время как дочь является главным инициатором конфликта и полностью отдаляется от матери, избегая общения с ней. С другой стороны, Мать матери выглядит не способной решить возникший конфликт и не готовой принять дочь такой, какая она есть, в связи с чем их отношения полностью прерываются. При этом, судя по воспоминаниям дочери о своем детстве, характеристики Матери матери во многом отражают идеальный образ материнства: «... *в отличие от меня она была такой хорошей и заботливой матерью. Она ухаживала за мной и баловала так, как дочь ухаживает сейчас и балует меня*» (Икстена 2016: 70).

Мать матери настолько идеальна, что неидеальной Матери в какой-то момент хочется сбежать из этого рая, она чувствует себя чужой в этой семье, где Мать матери, отчим и ее родная дочь чувствуют себя абсолютно счастливо. Матери некомфортно находиться в такой обстановке, скорее всего потому, что это обнажает ее собственный внутренний конфликт, на который она сама себя обрекла. Мать сама загнала себя во внутреннее негативное мироощущение, посчитав, что ей не место ни в этой семье, ни на этой земле, а Мать матери, возможно, и могла бы помочь дочери справиться с трудностями, но та предпочитает отстраниться и решать свои проблемы самостоятельно.

Репрезентации материнства во многом противопоставляются друг другу, как мать идеальная (Мать матери) и мать неидеальная (Мать), таким образом, еще ярче выделяя идеальный образ матери на фоне неидеальных материнско-дочерних отношений.

*Третью женскую линию* можно считать воплощением идеальных материнско-дочерних отношений, и образ матери – идеален. Из всей триады женских образов отношения между Матерью матери (бабушкой) и Дочерью (внучкой) складываются наиболее гармонично. В их отношениях царит только любовь, нежность и теплота. Бабушка души не чает во внучке, и по сути является ее второй матерью, а внучка также искренне любит свою бабушку, в полной мере считая ее своей матерью. Образ Матери матери характеризуется только положительными конотациями и полностью соответствует традиционным характеристикам материнства.

### **2.2.5. Оценка материнства автором-женщиной**

Исследование женских репрезентаций в романе «Молоко матери» Норы Икстены помогает выявить отношение автора к материнству, а некая биографичность текста может говорить о желании автора порефлексировать на тему собственных отношений с матерью. Возможно, автор стремится проанализировать их через призму матрилинеальных отношений с женщинами из трех поколений и таким образом сформировать «женскую историю» своей семьи, что, по мнению исследователей, является актуальным аспектом современной женской литературы.

В матрилинеальном нарративе присутствует устойчивая триада женских образов, которые тесно связаны между собой, а роль Матери в сюжете исполняет не только сама Мать, но и Мать матери, полностью беря на себя воспитание внучки, оставленной родной матерью. Для внучки родителями являются как раз Мать матери и отчим, именно к ним она питает самые теплые чувства. Таким образом, бабушка реализует свою материнскую функцию по отношению не только к своей собственной дочери, но и к внучке, и именно отношения бабушки и внучки можно назвать наиболее гармоничными, в то время как характеристики родной матери говорят скорее о ее неполноценности, неидеальности. При этом, не смотря на существующие разногласия в материнско-дочерних отношениях, все три героини составляют единое целое, о чем свидетельствует сон Дочери об отражении в ней трех испостасей – Дочь, Мать и Мать матери: *«Мне приснился чудной сон, в котором я себя видела сначала как твою мать, потом как тебя и потом как себя...»* (Икстена 2016: 103). Символическое перерождение Дочери в Мать отражается не только во сне, но и в реальной жизни, так как Дочь становится матерью для своей родной матери, заботясь о ней, как о

собственном ребенке. В свою очередь Дочь полностью отзеркаливает поведение Матери матери, ведь их модели поведения абсолютно схожи – и та, и другая проявляют максимальную любовь и заботу к своим детям, даже в случае, если «ребенком» является собственная мать.

Анализируя материнско-дочерние отношения в романе, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что самыми гармоничными являются отношения бабушки и внучки, Икстена отнюдь не пытается дискредитировать роль Матери, а, скорее, пытается понять и объяснить себе мотивы ее поведения и, возможно, даже оправдать свою героиню. Рефлексируя на тему отношений с матерью, писательница часто задается вопросами, обращенными к Матери, которые звучат из уст Дочери и Матери матери: *«Откуда в ней, выросшей в любви и заботе, этот холод сердца... За что такая ненависть?»* (Икстена 2016: 33-34), *«Почему, ну почему она всегда все делает таким мрачным?... Все время не хочется жить, как так можно?»* (Икстена 2016: 112). Будучи взрослой и самостоятельной женщиной, Мать оказалась слабой и не способной справляться со сложными жизненными трудностями, для нее уход из жизни казался самым правильным решением, что скорее свидетельствует о ее хрупком душевном состоянии. Чтобы ярче представить характер взаимоотношения героинь, Икстена часто прибегает к резкому противопоставлению образов матери идеальной (Мать матери) и неидеальной (Мать). Скорее всего, именно безразличие Матери пробуждают в Дочери желание искать связи с нею, для того, чтобы определить ее место в своем мире, а ранняя смерть Матери может говорить о «символическом» прощании с нею и с эпохой, которая начинает вносить перемены в обществе только после ее смерти.

Взаимоотношения героинь складываются в сложный комплекс чувств и эмоций, при этом материнство, как концепт, становится наиболее важной составляющей сюжета. Материнство является центральным стержнем повествования, на который, как на веретено, наматываются нити взаимоотношений героинь. К этому же центру материнского повествования ведут и второстепенные, но не менее значимые сюжетные линии, связанные, например, с жизнью пациенток, которым Мать помогла зачать ребенка, а также символические образы материнской груди и материнского молока, пронизывающие текст романа. Таким образом, можно сказать, что концепт материнства и все, что с ним связано, для Икстены имеет большое значение.

Профессия Матери (врач-гинеколог) в романе также приобретает символическое значение, ведь она скорее вынуждена избавлять женщин от незапланированной беременности, нежели заботиться о женском здоровье своих пациенток. Зачатие ребенка хоть и должно

приносить женщине счастье, однако, может закончиться трагично из-за того, что над женщиной часто давит выбор мужчины, которому она вынуждена подчиниться: *«Часто не мои пациентки выбирали, родить или не родить на свет ребенка. Любовники, которые отказывались признать ребенка, мужья, которым не хотелось дополнительных забот. Серые, замученные буднями женщины, махнув рукой, сдавались. Готовы были вытерпеть нечеловеческие муки при аборте без анестезии...»* (Икстена 2016: 57).

По мнению Икстены, материнство всегда имеет две стороны – светлую и темную. С одной стороны, героиня Матери цинично признает, что вскоре и ее Дочь обязательно встанет перед нелегким выбором родить/не родить ребенка: *«...рано или поздно она займет место в этом строю. И что никто, и я в том числе, не знает, как и что с ней будет, сделает ли она свой выбор или кто-то сделает его за нее»* (Икстена 2016: 59). С другой стороны, именно Мать, которую одна из пациенток назвала «святой», подарила многим женщинам возможность зачатия, она изменила их жизнь к лучшему, помогла им обрести радость материнства: *«Река благодарных женщин плыла мимо холмика, в котором она была упокоена, - моя мать, которая была их отцом»* (Икстена 2016: 166).

В этой связи Икстена поднимает актуальную для феминистской критики тему о свободе выбора женщины в патриархальном обществе, ведь решение женщин родить/не родить ребенка часто зависит от мужчин, живущих с ними рядом. Женщина решается на отказ от материнства, боясь остаться одинокой и незащищенной. При этом, по мнению автора, даже если решение об аборте женщина принимает под давлением мужчины, то в итоге это все равно ее личный выбор, за который она сама несет ответственность: *«И что часто мужчина об этом ничего не знает, ибо это женские дела и женский мир»* (Икстена 2016: 93). Решение зачать ребенка женщина также принимает втайне от мужчины, часто полагаясь только на себя: *«Серафима, я помогу твоему вонючке-мужу в этом сражении, поскольку ты этого хочешь, ты хочешь этого от всего своего доброго и верующего сердца, ты жаждешь имть свое дитя»* (Икстена 2016: 32).

В целом Икстена дает материнству положительную оценку, однако, автор полагает, что к материнству нельзя относиться однозначно; кому-то оно приносит радость и счастье, кому-то – пустоту, боль и переживания. Женщина сама вправе решать, становится ли ей матерью или нет, однако нет гарантии, что материнство естественным образом пробудит в ней желание любить и заботиться о своем ребенке. И здесь точка зрения автора перекликается с теорией Чодороу о том, что материнский инстинкт не является врожденным биологическим женским поведением, и, вполне возможно, что материнство может и не принести женщине естественной радости от осознания своей новой роли, как например, в

случае с героиней Матери, которая, к сожалению, не смогла ощутить себя полноценной матерью: *«Я выносила и родила ребенка, но ни материнские чувства, ни материнский инстинкт во мне не проснулись»* (Икстена 2016: 32).

### **2.3. Елена Чижова «Время женщин»**

Роман «Время женщин» российской писательницы Елены Чижовой был впервые опубликован в 2009 году, и в том же году получил престижную литературную премию «Русский букер». Период событий в романе относится к послевоенному периоду, повествование ведется по мотивам воспоминаний Дочери/внучки и посвящается «моим бабушкам».

Матрилинеальный нарратив произведения характеризуется отсутствием мужских персонажей или минимальным присутствием мужского голоса. Так, в центре повествования в романе Чижовой оказывается только один мужской персонаж – Николай, ухажёр матери, при этом герой наделен такими отрицательными чертами, как малодушие, расчетливость, скупость, мелочность, трусоватость: *«Только и ты учти: я ведь молчать не стану. И не надейся, – в стену глазами уткнулся. – До собрания дойдет, так все и скажу: дескать, не было у нас ничего. Ребенка на шею мне вешает. Инвалида. До последнего скрывала. Я и знать не знал...»* (Чижова 2010). Что касается других героев-мужчин, то они являются персонажами второго плана, и их роль ограничивается отдельными сюжетными линиями.

Однако, роль отца Дочери все же выделяется на фоне других второстепенных персонажей. Не смотря на минимальное присутствие его голоса в тексте, его судьба на протяжении всего повествования продолжает волновать и Мать, и Дочь. После их расставания Мать часто возвращается к нему в своих мыслях, пробует его искать, однако местонахождение отца ее ребенка так и остается неизвестным: *«У Гостиного, почудилось, его встретила. Сердце прямо ахнуло. Удивилась только: важный стал. В шапке пыжиковой. Обогнала, глянула потихоньку. Гляжу – нет. И чего это я... Другой он. А какой другой? Так-то и не скажешь. Нет у меня таких слов. Сколько лет прошло – лицо забывать стала»* (Чижова 2010). Дочь, будучи маленькой, играет в семью, где есть мама и папа: *«Жили-были отец с матерью, и не было у них бабушек, а была только девочка маленькая. Та, что в зеркале. Другая. Жили они хорошо и счастливо»* (Чижова 2010), а когда становится взрослой, задается вопросами о своем отце, на которые ей так и не удается получить ответы: *«Почему у меня не было отца? Как случилось, что они расстались и мама вышла замуж за отчима? Ведь здесь же нет никакой политики, но бабушки все равно молчали»* (Чижова 2010).

Итак, в центре произведения оказывается устойчивая триада женских образов из трех поколений женщин: Мать, Дочь, Бабушки, при этом Бабушки не являются героиням родными, однако судьба связывает их прочной родственной нитью. В целях выявления репрезентаций материнства проанализированы характеристики и взаимоотношения женских героинь на трех уровнях матрилинеального нарратива: Мать <-> Дочь, Бабушки <-> Мать, Бабушки <-> Дочь. В анализе текста используется собирательный образ Бабушек, в котором учитываются характеристики сразу трёх героинь старшего поколения.

С целью исследования доминирующих характеристик материнства выделены три основные женские линии, определяющие материнско-дочерние отношения в романе:

- Первая женская линия (отношения Матери и Дочери)
- Вторая женская линия (отношения Бабушек и Матери)
- Третья женская линия (отношения Бабушек и Дочери (внучки))

### 2.3.1. Первая женская линия

Мать является одним из главных женских образов в романе. Антонина – мать-одиночка, переехавшая в Ленинград из деревни, работает на заводе. Живет в коммунальной квартире, которую делит с тремя бабушками, в этой же квартире воспитывается ее Дочь, рожденная от случайной связи. Мать вспоминает как она, наивная провинциальная девушка, познакомилась с отцом будущего ребенка. Их встречи продолжались совсем недолго, и уже вскоре избранник разорвал с ней отношения, так и не узнав о ее беременности: *«Я ведь сколько ходила, найти его надеялась. Да разве вспомнишь дом-то... В городе дома большие, одинаковые. Не то что в деревне...»* (Чижова 2010). Мать хотела избавиться от ребенка, но доктор, указав на большой срок, сказала, что теперь нужно рожать. Таблетки, которыми Мать попыталась извести ребенка, тоже не помогли, в итоге она родила дочь, которую назвала Сюзанной, и теперь именно Дочь становится объектом радужных надежд Матери: *«А еще, думаю, от имени много зависит. Взять хоть мое: Тонька да Тонька. Я тогда еще решила: если мальчик, в деда назову – мужикам все одно. А девочка – пусть с детства красивое имя слышит. Может, жизни моей не повторит»* (Чижова 2010).

Одним из первых потрясений Матери, связанных с Дочерью, становится ее недуг, а именно немота, причину которой врачи никак не могли установить. Мать начинает сильно переживать, ведь ей так хотелось для дочери хорошей, удачливой жизни, а получается совсем не так, как она планировала: *«По первости плакала все: ох, вырастет уродом... Ни в школу, ни в лагерь. А главное, без семьи. Кто ее замуж возьмет – немую?.. А бывает,*

*идешь по улице. Кругом дети чужие – разговорчивые. Сердце кровью обольется. Отвернешься, слезы сглотнешь»* (Чижова 2010).

В какой-то момент Мать и бабушки совместно решают, что Дочь будет воспитываться дома, и бабушки берут на себя уход и воспитание ребенка: *«Почитай, три няньки на одну – и присмотрена, и причесана. Гуляют, книжки читают. Учат, кому сказать, по-французски»* (Чижова 2010). С одной стороны, помощь и поддержка бабушек оказались очень кстати, ведь теперь Матери не нужно было беспокоиться о своей девочке, а с другой, Матери приходится помногу работать, ведь для своей семьи она еще и основной добытчик – на ее шее не только Дочь, но и бабушки, ведь их скудной пенсии на всё не хватает, и она, как может, старается им помогать: *«Снова сверхурочные придется... Мастер уж и смеется: «Ох, и жадная ты, Беспалова! И сама вроде получаешь, и премии опять же, и у матери твоей пенсия – неужто не хватает? Девку свою на золоте, что ли, кормишь?» – «Ага, – отвечаю, – Игнатий Михалыч, на золоте да на серебре». Кому это объяснишь, что четверо на шее?»* (Чижова 2010).

Не смотря на постоянную загруженность и усталость, мысли Матери постоянно возвращаются к Дочери, о которой она заботится по мере своих сил и возможностей, желая ей гораздо лучшей жизни, чем ее собственная. Мать от всей души хочет сделать так, чтобы ее Дочь ни в чем не нуждалась – и игрушки, и заграничный костюмчик, и дорогуший телевизор, лишь бы только Дочь могла мир, хоть и через экран, посмотреть: *«Вот телевизор купим – тогда уж нагядишься... Показывают, рассказывают: где, да что, да как людям живется. Другие-то смотрят, а сами ума набираются. Вот и ты насмотришься, а потом и в школу пойдешь. Учительница тебя спросит: «Встань, Беспалова Сюзанна, ответь: знаешь ли, что такое кукольный театр?» А ты и ответишь: «Конечно, знаю. Я по телевизору видела. Там куколки такие хорошие. Которые из дерева, а которые из тряпок. Вот им пальцы внутрь-то засунут, а они знай представляются: то плачут, то смеются. Как живые». Тут она обрадуется: «Садись, – скажет, – Сюзанна Беспалова. Ставлю тебе пятерку». А дети тоже удивятся: «Надо же! В детский садик не ходила, а сама все знает»...»* (Чижова 2010).

Мать искренне наслаждается материнством, всем сердцем любя свою Дочь, холя, лелея её, стараясь растить ее как принцессу: *«Чья же это девочка такая в костюмчике – и не узнать! Неужто доченька моя родная?»* Неизбалованная жизнью Мать в любых мелочах старается угодить своей любимой девочке: *«Пирожное надкусила. Тоже вкусно. Вот, думаю, Сюзанночке бы снести. Она бы порадовалась. Мне ведь так, баловство...»* (Чижова 2010). Беспокоясь за свою Дочь (ведь та немая, а значит могут узнать, загонять по врачам,

навредить), Мать всеми силами пытается защитить Дочь от угрозы внешнего мира: *«К ним попади только – затаскают по врачам. Совсем загубят девку. Нет уж, решаю. Не отдам. Живем хорошо, не хуже других... Господи, думаю, а все равно страшно. Вдруг да отьмут?..»* (Чижова 2010).

Будучи молодой незамужней женщиной, Мать пытается наладить свою личную жизнь и потихоньку приглядывается к своему коллеге на работе, однако в попытке сближения друг с другом оба руководствуются скорее не чувствами, а рассудком. Мать нуждается в надежном мужском плече, ее ухажер хочет серьезных отношений и улучшения жилищных условий. Мать долго не решается ответить взаимностью на предложение руки и сердца, опасаясь причинить боль своей Дочери и уже готова была отказаться от жениха: *«Нет, решаю, никак не готова. Ребенка больно жаль...»* (Чижова 2010). Однако, уже предчувствуя свой близкий конец, Мать, по настоянию бабушек, все-таки выходит замуж, чтобы Дочь формально осталась на попечении отчима и не попала в детский дом. Таким образом, после смерти Матери заботу о шестилетней Дочери берут на себя бабушки, взяв на себя полностью материнскую функцию и заботу о девочке.

Итак, связь Матери и Дочери стремительно обрывается, когда Дочери не исполнилось еще семи лет, и для Дочери образ Матери сохранился только в смутных детских воспоминаниях: *«Раньше мои картинки лежали в коробке. Жаль, что они не сохранились: тогда я бы все вспомнила. А так не помню. Даже мамино лицо...»* (Чижова 2010), однако Мать вспоминается Дочери красивой и жизнерадостной: *«Мама красивая, платью с маками радуется»* (Чижова 2010).

В целом трудно выявить субъективную оценку Дочери по отношению к Матери, так как она была еще совсем маленькая, когда Мать умерла, а все ее детские воспоминания сводятся лишь к выборочным эпизодам из жизни Матери, и даже ее смертельную болезнь девочка в силу своего возраста не воспринимает всерьез: *«В середине – комната. Мама на кровати лежит. Бабушки шептались: всё у нее отрезали. Как же – всё? Вон и ручки у нее остались, и ножки. Чашку взяла, водичку пьет. Снова перепутали. Ничего не знают...»* (Чижова 2010).

Объективно оценивая поведение Матери по отношению к Дочери, можно сказать, что оно в большей степени соответствует традиционным характеристикам материнства. Любящая, ласковая, заботливая, самоотверженная, преданная Мать готова на всё, лишь бы ее Дочь ни в чем не нуждалась. Однако, нельзя не отметить при этом навязчивую идею Матери воспитать Дочь так, чтобы та ни в коем случае не повторила ее судьбу, ее ошибок. Это

проявляется и в выборе имени для Дочери, которое должно быть особенным, и в стремлении сделать так, чтобы Дочь стала лучше, умнее, образованнее, счастливее, чем Мать. Вполне возможно, в дальнейшем этот фактор завышенных ожиданий мог бы стать причиной протеста взрослеющей Дочери в борьбе за самостоятельность, а также привести к ухудшению материнско-дочерних отношений.

Причина подобного отношения Матери к Дочери во многом кроется в сложных жизненных обстоятельствах, в которых ей приходится существовать. Будучи деревенской малообразованной девушкой и матерью-одиночкой, Мать совершенно не избалована жизнью, она вынуждена тянуть на себе хозяйство, быть в семье единственным добытчиком, работать на износ. Это отражается и на ее отношении к Дочери, Матери отчаянно хочется для девочки лучшей жизни, чтобы избавить ее от всех тягот быта - одиночества, бесконечных лишений, финансовых трудностей, переработок и так далее. Возможно, именно такой физический надрыв, переживания из-за ошибок юности, а также давление коллектива и стали причинами пошатнувшегося здоровья и причиной раннего ухода Матери. Мать оказывается слабой и не готовой противостоять жизненным трудностям.

Проанализировав модель отношений Матери и Дочери, можно сделать вывод, что, с одной стороны, репрезентация материнства во многом соответствует традиционным представлениям о роли женщины-матери. Однако, с другой стороны, неистовое стремление матери навязать дочери свои представления об идеальной жизни, говорит о деструктивности материнского поведения. Таким образом, материнско-дочерние отношения объективно нельзя назвать идеальными, при этом в воспоминаниях Дочери в целом сохраняется идеальный образ Матери.

### **2.3.2. Вторая женская линия**

Бабушки, которые волею судьбы оказываются соседками Матери по коммунальной квартире, постепенно становятся ей родными. В итоге, Мать, Дочь и Бабушки объединяются в семью из трех поколений женщин, связанных общим бытом и заботой друг о друге. Таким образом, создается еще одна ролевая модель Мать-Дочь, в которой материнскую функцию берут на себя Бабушки (по тексту - Евдокия, Ариадна, Гликерия), а роль дочери исполняет Мать рассказчицы (по тексту – Мать, мама, Антонина). Сама Мать про себя называет соседок старухами, а обращается к каждой из них по имени и отчеству.

Три героини-бабушки несут в себе комплекс характеристик, как положительных, так и отрицательных. У каждой за плечами свой жизненный опыт, при этом Бабушек объединяет долгая дружба, работа в больнице, совместно пережитые война и блокада, и все они на

момент повествования одиноки: *«У самих – никого. Мужья-дети сгинули, поумирали. И внуков нету...»* (Чижова 2010). Мать, родом из деревни, молодая, не знающая жизни, оказавшись в городе одна с ребенком, отчаянно нуждалась в помощи и поддержке, которые обрела, поселившись по соседству с бабушками в коммунальной квартире. Бабушки, умудренные жизненным опытом, учат Мать разного рода житейским премудростям, когда надо, утешают, помогают советом или просто добрым словом, при этом могут и пожурить, и поругать, однако во многом их поведение говорит о их сильной привязанности к Матери и ее маленькой дочери. При этом в начале повествования еще жива родная мать героини, которая проживает отдельно от дочери и впоследствии скоростижно уходит из жизни.

Бабушки добровольно берут на себя заботу о ребенке Матери, пока та работает, чему она несказанно рада, ведь, именно благодаря их уровню образования, ее дочь воспитывается по канонам, принятым в интеллигентных семьях. Бабушки не только помогают Матери с ребенком, но и дают свои наставления, как правильно вести себя с коллегами на работе, как общаться с мужчинами, приучают ее быть хозяйственной и экономной: *«Взяла бы хоть, что ли, грелку. Пробкой закрутила, пихнула под платье – и иди свободно. В блокаду вон, рассказывали, одна на хлебзаводе работала, так теста под груди налепит и идет. Охрана по бокам прохлопает, а под грудь не догадывались. Обоих детей спасла. – Так, – сомневаюсь, – резиной завоняется, разве станете пить? – Ничего, – рукой машет, – не बारे. Прокипятим, и выдохнется. На кашу-то и сгодится, а ребенку магазинного купишь»* (Чижова 2010). Бабушки стараются оградить Мать от нелицеприятного «общественного» мнения, ведь ее начальство и коллеги нещадно лезут в ее личную жизнь, указывают ей на то, как и с кем ей жить, как воспитывать ребенка и т.д. Если бы не поддержка бабушек, их мудрые советы и утешения, то Мать могла бы в какой-то момент не справиться и сломаться: *«...там, на работе-то – молчи. Спросят, отвечай: хорошо все. У людей языки длинные, дурные. Все беды от языков»* (Чижова 2010).

Мать в свою очередь заботится о Бабушках, как о родной матери, не только хлопоча по хозяйству и помогая им в разных житейских делах, но также помогая им деньгами: *«Так и повелось: сама на работу, с работы – по магазинам, там отстоять, тут отстоять, и дома вроде прислуги. Постирать на всех, убрать, сготовить. Пенсии у них – слезы. Свои приходится докладывать»* (Чижова 2010). В процессе повествования Бабушки и Мать постоянно помогают, поддерживают друг друга. Когда заболевает Мать, уже Бабушки начинают помогать ей с лечением, ухаживают за ней: *«Антонину помыть еще. Сколько дней не мывши. Как бы до пролежней не долежалась. Спину – камфарным спиртом протрем, кровать ей перестелим: пусть уж на чистом...»* (Чижова 2010). До самой смерти

Матери между ней и бабушками сохраняются в большей степени тёплые отношения: *«Вы и сами знаете, и обеим другим скажите – как бы ни сложилось, доброты вашей не забуду. Вы мне – семья. А что ошибку по молодости совершила – этого больше не повторится. И не сомневайтесь. – Вот, – говорит, – и Господь с тобой. Ты ведь нам тоже родня. – Руку подняла, в щепотку сложила. – Нагни, – велит, – головку. Крестик надо мной положила: ровно как мать. В детстве, бывало...»* (Чижова 2010).

Однако, не смотря на довольно мирное сосуществование друг с другом, конфликт между героинями всё же неизбежен. Бабушки часто подавляют Мать своим авторитетом, навязывают ей свою точку зрения, бывают грубоваты, не сдержанны на язык, говорят нелицеприятные вещи, которые ранят Мать: *«Ночью лежу – из головы нейдет: слова ее злые. А это-то особенно: инвалид. А ну как, думаю, ее правда? Мало слезьми умывалась – снова горя ищу...»* (Чижова 2010). Их доминирующее поведение также отражается в подходе к воспитанию дочери героини, ведь даже здесь Бабушки поступают по своему личному разумению, часто не советуясь с Матерью или вовсе игнорируя ее мнение: называют девочку Софьей, а не Сюзанной, тайно организуют крещение девочки, сами решают, как ее учить, что ей носить, чем кормить и так далее: *«Тут, за столом, едва получив ребенка на руки, пришли к согласию: первым делом – покрестить. Тайком, не докладываясь матери. В этих делах мать – сторона»* (Чижова 2010). В отсутствие собственного жизненного опыта и недостаточной образованности, Мать во многом безропотно принимает давящий стиль поведения Бабушек, так как вынуждена полагаться на их знания и опыт. По сравнению с Бабушками, которые прожили долгую жизнь, Мать часто выглядит неумелой, незнающей, не уверенной в себе, не способной решать свои проблемы, не готовой к трудностям: *«Ох, только теперь и заметила: детское в общем тазу замочила. Хорошо, старухи не видели – отдельно велят стирать. «Взрослая грязь едкая. За целую жизнь копится. Как ни мойся, дочиста не отмоешь». Ладно, может, им и виднее. Сколько лет в Максимилиановской проработали. Няньками в приемном покое.»* (Чижова 2010).

Возможно, прожив подольше и обрета крепкий жизненный опыт, Мать могла бы выйти из-под контроля Бабушек и начать свою самостоятельную жизнь, в другом случае ей пришлось бы существовать в постоянных условиях подавления, что могло бы привести к еще большим конфликтам во взаимоотношениях героинь.

Итак, объективно эту модель материнско-дочерних отношений трудно назвать традиционной, так как Мать не является Бабушкам родной дочерью и на момент повествования еще жива родная мать героини. Однако их тесная связь, долгое совместное

проживание и общий семейный уклад дают основание рассматривать эту модель отношений именно в контексте отношений Мать-Дочь. При этом в отношении Бабушек к Матери отражаются типичные черты материнства – забота, сопереживание, озывчивость.

Субъективно материнско-дочерние отношения можно считать достаточно гармоничными, так как они устраивают обе стороны, однако, во многом такие отношения становятся возможными благодаря покладистому характеру Матери, которая предпочитает избегать конфликта, который на самом деле очевиден. Бабушки во многом подавляют Мать своим «родительским» авторитетом, часто навязывают ей свое мнение, хоть и из лучших побуждений. Однако, на деле Бабушки скорее не учат Мать действовать самостоятельно и независимо, а часто манипулируют ею в своих интересах. Таким образом, оценивая взаимоотношения героинь, можно сказать, что авторитарное поведение Бабушек во многом свидетельствует о неидеальной ролевой модели материнства.

### 2.3.3. Третья женская линия

Повествование в тексте ведется по мотивам воспоминаний Дочери главной героини, которая рано потеряла мать и осталась на воспитании у Бабушек (соседок матери по коммунальной квартире): *«Мое первое воспоминание: снег... Ворота, тощая белая лошадь. Мы с бабушками бредем за телегой, а лошадь большая, только почему-то грязная. А еще оглобли – длинные, волокутся по снегу. В телеге что-то темное. Бабушки говорят: гроб. Это слово я знаю, но все равно удивляюсь, ведь гроб должен быть стеклянный. Тогда бы все увидели, что мама спит, но скоро проснется. Я это знаю, только не могу рассказать...»* (Чижова 2010). Таким образом, в отсутствие матери формируется модель материнско-дочерних отношений между бабушками (по тексту - Евдокия, Ариадна, Гликерия) и внучкой (по тексту – Дочь, Сюзанна, Софья).

Бабушки принимают самое непосредственное участие в воспитании девочки, сначала помогая матери, а в дальнейшем, после ее смерти, взяв на себя полностью заботу о внучке: *«Тут старухи и явились. Легли костьюми... Иди, говорят, работай. Неужто не вырастим втроем?»* (Чижова 2010). Во многом по отношению к внучке Бабушки действуют независимо от мнения Матери, часто поступая так, как им кажется лучше и правильнее. Так, например, они единогласно решают не называть девочку Сюзанной, а зовут ее Софьей: *«Вечерами, при матери, избегали по имени: ей, для нее, она. Днем обращались ласково – Софьюшка. Меж собой – Софья...»* (Чижова 2010), а также по своему разумению решают тайне покрестить девочку. Матери приходится смириться с волей Бабушек, так как на ее долю выпадает много других забот и ей попросту сложно контролировать ситуацию,

однако, результат воспитания Дочери ее устраивает, так как малообразованной матери льстит образец воспитания, к которому приучают девочку Бабушки. По отношению к внучке Бабушки придерживаются канонов духовно-нравственного воспитания: приучают к православной культуре и традициям, водят в церковь, учат девочку французскому языку, ходят в театр, воспитывают вкус и умение ухаживать за собой, заботятся о ней как о принцессе, при этом также приучают вести хозяйство: *«Ну-ка, пошли со мною – машинку швейную достанем. Строчить на машинке научишься, что угодно сошьешь: и платье, и передничек. Вырастешь, ох, пригодится. В магазинах не больно накупаешься. Дорого, небось...»* (Чижова 2010). Мать во многом соглашается с воспитанием Бабушек, доверяя их жизненному опыту и образованию, однако окружающим такой подход к воспитанию видится устаревшим: *«Вот вырастет девка старорежимная, локти станешь кусать, да уж поздно»* (Чижова 2010). Однако, именно через православные традиции, обучение языкам и этикету, сказки и истории из жизни происходит передача культурных традиций и ценностей Бабушек юной Софье: *«...а Гликерия ей рассказывает: то про святых, то про Богородицу заведет. Потом Ариаднин черед: сказку читать. У ней свои, французские. Книжка пухлая, с картинками...»* (Чижова 2010).

Бабушки заботятся о том, чтобы внучка была сыта, одета и обута. Жить на одну зарплату Матери и пенсии Бабушек героиням приходится трудновато, поэтому Бабушки принаоровились переделывать вещи внучке из своей старой одежды: *«Рейтузы из толстой шерсти. Гликерия кофту старую распустила, связала в две нитки... Пальто новое, теплое. Евдокия свое перелицевала. Драповое, ватин в два слоя проложила. У самой другое есть – на ее век хватит»* (Чижова 2010). Бабушки готовы отдать девочке самое дорогое, что у них есть: *«Я тоже тебе подарок приготовила. Сережки старинные, бриллиантовые. Родительская память. Все в войну обменяли – только они и остались. В ушки тебе вденем. Ни у кого таких не будет. Вырастешь, в зеркало посмотришь, меня и вспомнишь»* (Чижова 2010).

Понимая, что после смерти Матери девочку могут у них отнять, Бабушки начинают еще больше переживать за судьбу внучки: *«Случись что, нам ведь ее не оставят. В детдом заберут. Мы ж ей – никто. – Как это – никто?.. С какого растили... Неужто в приюте лучше?.. Ладно – мы проклятые. А Софью не дам»* (Чижова 2010). Бабушки изо всех сил пытаются защитить ее и даже заранее напутствуют внучку: *«Мало ли, увезут тебя... В жизни-то разное бывает. Случается, увозят детей. Запрут, и нас не допустить могут. Одной тебе придется. Вот и знай: куда б ни замкнули – я с тобой. Всякий день за оградой. Так и буду ходить, пока Господь жизни даст. Может, и не видно меня, а ты все одно помни»*

– там, мол, моя бабушка. Взад-вперед ходит. Сядет, передохнет – и опять идет. Поняла?» (Чижова 2010). В итоге, договорившись с Матерью и ее ухажером, который соглашается жениться на ней с целью получения отдельной комнаты, Бабушки добиваются того, что Дочь остается на их попечении. Впоследствии Дочь избавляется от немоты и еще долгое время живет с Бабушками до самой их смерти: *«Когда падает снег, я всегда вспоминаю бабушек. Стою у окна и думаю. Мои бабушки ничем не болели, просто ушли в один год. Сначала Гликерия, потом – Ариадна. А бабушка Евдокия дождалась до осени – я уже училась в Мухинском на первом курсе. Тогда мы жили одни»* (Чижова 2010).

Став известной художницей и обладательницей собственного жилья, Дочь продолжают согревать мысли о Матери и Бабушках, о приятных моментах из детства: *«Иногда я стелю камчатную скатерть с розами и представляю, как мы садимся вокруг стола – и отец, и мама, и бабушки. Это для них я купила такую большую квартиру. Чтобы у них был дом, в котором больше не страшно, потому что это – наши комнаты и их никто не отнимет.* (Чижова 2010).

В данной модели материнско-дочерних отношений Бабушки сначала частично, затем полностью заменяют Дочери (внучке) Мать, они любят, заботятся о ней, воспитывают, обучают, передают ей свои традиции и ценности. По отношению к внучке Бабушки проявляют максимум «материнской» заботы, дарят Дочери любовь, тепло и ласку, в свою очередь внучка относится к ним с большой нежностью: *«Бабушка Евдокия пахнет сухо, сладко. Уткнешься – и не страшно. Ничего, что одна. Я к ним на тот свет приду. Поживу маленько и приду...»* (Чижова 2010). Объективно и субъективно эти отношения можно назвать очень гармоничными, так как обе стороны испытывают теплые и нежные чувства по отношению друг к другу, а в их отношениях полностью отсутствует конфликт. Таким образом, в образе Бабушек отражаются характеристики идеального материнства.

#### **2.3.4. Репрезентации материнства**

В центре повествования романа Елены Чижовой «Время женщин» находится матрилинеальный нарратив о трех поколениях женщин, который характеризуется разными моделями материнско-дочерних отношений. На каждом уровне взаимоотношений литературных героинь по женской линии можно выявить следующие особенности репрезентаций материнства:

**В первой женской линии** материнско-дочерние отношения объективно нельзя считать идеальными, так как деструктивным фактором этих отношений является навязчивое стремление Матери повлиять на судьбу дочери, уберечь ее от своих ошибок. По словам

Омельченко «...мать видит в растущей дочери возможность повторения, а в чем-то и исправления своего жизненного опыта. Она стремится воспитать ее так, чтобы у девочки не было тех сложностей, с которыми встретила в жизни она сама. Тем самым мать может передать дочери свои конфликты, свои проблемы...» (Омельченко 2006).

Однако, субъективно материнско-дочерние отношения можно назвать достаточно гармоничными. Пока Дочь маленькая, бессознательное давление Матери ее не сильно тревожит (тем более, что большую часть времени Дочь проводит с бабушками, которые души в ней не чают), и в дальнейшем после смерти Матери Дочь отзывается о ней самыми добрыми словами. В свою очередь в поведении Матери доминируют традиционные характеристики материнства – Мать искренне любит свою Дочь, восхищается ею, заботится о ней, старается сделать так, чтобы Дочь ни в чем не нуждалась, а в воспоминаниях Дочери сохраняется идеальный образ Матери.

*Вторую женскую линию* объективно нельзя назвать традиционной моделью материнско-дочерних отношений. Мать и Бабушки не являются друг другу родными людьми (на момент начала повествования у Матери еще жива ее собственная мать, которая живет отдельно), при этом Мать, Дочь и Бабушки по-настоящему сроднились и стали неразрывно связаны между собой как члены одной семьи. Мать-одиночка нуждается в поддержке и мудрых жизненных советах, в свою очередь Бабушки стремятся к передаче своих знаний и опыта. В итоге и та, и другая сторона выигрывает от взаимоотношений друг с другом, и с субъективной точки зрения получаются достаточно гармоничные отношения, построенные на взаимном уважении и заботе.

Однако, если объективно оценивать материнско-дочерние отношения, то они отнюдь не идеальны. По отношению к Матери в поведении Бабушек часто проявляется доминантная позиция, которая проявляется во многих семейных ситуациях и порождает конфликт сторон. При этом этот конфликт почти не приметен, ведь Мать терпелива, покладиста, уступчива, предпочитает не вступать в споры с Бабушками, и только наедине с собой может дать волю своим чувствам и переживаниям. В целом, не смотря на отзывчивость, заботу и доброе отношение Бабушек к Матери, они считают себя вправе вмешиваться в ее жизнь и диктовать ей свои правила. Скорее всего, если бы Мать была смелее и опытнее и начала действовать самостоятельно, без оглядки на мнение Бабушек, то выяснения отношений было бы не избежать. Таким образом, расценивая авторитарный стиль поведения Бабушек, как фрустрирующий фактор материнско-дочерних отношений, можно говорить о неидеальности их материнской роли.

*Третья женская линия* характеризуется очень гармоничными отношениями между бабушками и внучкой, не смотря на отсутствие прямого родства. Бабушки выступают старшей матерью по отношению к Дочери, сначала частично заменяя родную Мать, пока та работает и обеспечивает семью, а затем и после ее смерти, взяв полностью на себя уход и заботу у о внучке. Жизнь Бабушек полностью подчинена воспитанию внучки, они проводят с ней все свое время, по-матерински любят и заботятся о ней.

В материнско-дочерних отношениях конфликт полностью отсутствует. Акцент отношений смещается на передачу культурных традиций и ценностей от старшего поколения к младшему, и это тот стержень, на котором держится их духовная связь. Дочь с теплом отзывается о своих Бабушках, ведь они вложили в девочку всю свою нерастраченную любовь и нежные чувства, а характеристики материнства, присущие Бабушкам, говорят об идеальности их материнского поведения.

### **2.3.5. Оценка материнства автором-женщиной**

Концепт материнства имеет для Чижовой большое значение, ведь эта тема организует повествование романа «Время женщин». Помимо основной сюжетной линии, которая связана с материнско-дочерними отношениями между Матерью, Дочерью и Бабушками, тема материнства постоянно всплывает в отдельных разговорах, в обрывочных рассказах и воспоминаниях бабушек. Здесь и счастливые истории материнства, и трагичные воспоминания о потере детей в войну, повествование о судьбах женщин, которые прошли через больницу, в которой работали бабушки: *«Блокаду едва сняли – бабу к нам привезли. Сама толстая, сытая... А мальчонка у ней еле живой родился. Доктор определил – жиром своим задушила...»* (Чижова 2010), они же ведут разговоры о предохранении: *«Вот и слушай: мало ли, до чего у вас дойдет, а ты укусу загодя купи или аспирину. В воде раствори. Возьми клочок ваты – ниткой перемотай да в воду эту и окуни. Вату-то заранее пихнешь, а нитка длинная – наружу высовывается. Вот кончится у вас, а ты помни: минутку-другую подожди да и вытягивай наружу»* (Чижова 2010) и бездетности: *«– А я вот, может, и радуюсь, что нету у меня детей. Чего на смерть рожать? – Дура ты! – Евдокия аж притопнула. – Баба-то бездетная – пустоцвет. – Ничего, – платок с головы сняла, волосы пригладила. – Господь, Он ведь все видит: внучку послал на старость»* (Чижова 2010). Да и сама болезнь Матери связана с раком матки, что символически означает завершение не только ее материнской функции, но и жизни.

В главной сюжетной линии матрилинеального нарратива роль Бабушек имеет большое значение, ведь они передают свои знания и опыт новому поколению, таким образом

формируя женскую историю семьи. По женской линии передаются не только культурно-исторические традиции и ценности, а также бытовой женский опыт, связанный с правилами поведения в той или иной жизненной ситуации. Это касается и воспитания детей, и отношений с мужчинами, и взаимодействия в коллективе, и умения распоряжаться финансами, и ведения хозяйства, и других сфер жизни. Чижова намеренно ставит Бабушек во главу семьи, чтобы дать им возможность поделиться богатым жизненным опытом, а также поговорить о различных аспектах материнства. Бабушки выступают в материнской ипостаси для Матери и Дочери, и это только укрепляет ценность женской истории.

Для автора материнство не всегда связано со счастливыми моментами. Война, болезни, несостоявшийся брак, одиночество, финансовые тяготы и лишения - все эти факторы негативно отражаются на судьбе матери и ее ребенка. В идеале история семьи должна быть счастливой, иначе и мать, и ребенок становятся жертвами сложившихся обстоятельств. По словам Чижовой, «В нормальном обществе, не искореженном нашей историей, там, где мужчины не гибли миллионами, функция хранителя традиций распределяется - что-то передает мать, что-то отец. У нас же, к сожалению, получается, что женщины часто тянут эту роль в одиночку. Они справляются, но какими усилиями, какими жертвами! И дети это чувствуют» (из интервью Чижовой, 2010 год).

По словам писательницы, неизменной остается главная роль женщины в семье - это роль матери, при этом роль отца также имеет большое значение в семье, ведь для ребенка очень важна полноценная семья: «Главная роль женщины сегодня, по-моему - роль не хозяйки и даже не жены, а матери. Если женщина начинает спускать рукава относиться к роли матери, то страдают дети. И тогда, когда они еще малы, но и позже, когда они становятся взрослыми. И для мужчины роль отца - это самое важное в семье» (из интервью Чижовой, 2010 год). Теперь становится понятным, почему роль отца Дочери в романе не стала эпизодической, ведь в течение всего повествования мысли Матери возвращаются к нему, ей хочется быть с ним, она сожалеет о том, что у нее так и состоялся брак с любимым человеком. А Дочь, будто бы вторит ощущениям Матери, рисуя картинку идеальной семьи и строя кукольный домик для трех человек, где есть мама, папа и дочка.

Итак, по словам Чижовой, в отсутствие отца полноценная семья вряд ли возможна, а мать-одиночка, скорее всего, не сможет стать идеальной матерью под гнетом сложных жизненных обстоятельств, не дающих ей возможность полностью реализовать себя в роли матери, таким образом, и Бабушки, и Мать обречены на неидеальное материнство. Однако, автору все-таки удастся реабилитировать роль Бабушек, ведь им полностью удастся реализовать себя в роли идеальной матери по отношению к своей единственной внучке.

Более того, анализируя взаимоотношения героинь по женской линии, можно сказать, что во многом они складываются гармонично. Женщины, даже в отсутствие родства, связанные друг с другом общим хозяйством и бытом, помогают и поддерживают друг друга в разных жизненных ситуациях, и это придает им сил, терпения и выдержки. Женская история имеет свое продолжение в Дочери, которая закладывает в ней любовь и нежность к воспитавшим ее женщинам – Матери и Бабушкам, а также уважение к культурно-историческим традициям и семейным ценностям.

## Выводы

Исследование репрезентаций материнства в современной женской прозе дает основание сделать основной вывод о современных представлениях о материнстве у авторов-женщин с точки зрения материнско-дочерних отношений в матрилинеальном нарративе. Анализ текстов Икстены и Чижовой выявил сходность структуры матрилинеального нарратива, в котором представлена устойчивая триада женских образов из трех поколений – мать, дочь/внучка, бабушка. Также сходными мотивами являются смерть матери и переход материнской функции к бабушке, которая полностью берет на себя ответственность за дочь/внучку и опеку над ней.

Особенностью матрилинеального нарратива является полное отсутствие мужских персонажей в тексте или минимальное присутствие голоса героев-мужчин, которые часто оказываются за пределами центральной сюжетной линии. Так, говоря о положении мужских персонажей, и у Икстены, и у Чижовой они исполняют роли второго плана, и здесь можно отметить различия в отношении авторов к героям-мужчинам. Так, например, у Икстены центральная мужская роль в сюжете отводится отчиму матери, который наделен сугубо положительными характеристиками, однако его голос в романе отсутствует. Герой становится немым свидетелем разворачивающегося материнско-дочернего конфликта, сопереживает, сочувствует, но не участвует в нем. У Чижовой в тексте присутствуют несколько мужских персонажей, однако в центре повествования находятся два героя – отец дочери, который бесследно исчезает после короткого романа с матерью и отчим дочери, который женится на матери накануне ее кончины, и то под давлением со стороны бабушек. Оба героя далеко не идеальны, однако же мысли матери и дочери постоянно возвращаются к отцу, и, судя по ним, обе сожалеют о нереализованной мечте о полноценной семье, что для Чижовой является важнейшим компонентом благополучных семейных отношений.

Для обеих писательниц важное значение имеет концепт материнства, который проходит рефреном через каждое произведение. В обеих триадах женских образов присутствует мать-одиночка, родившая дочь вне брака, и в обоих случаях роль отца дочери остается неизвестной. У обеих авторов-женщин матери представлены слабыми и не готовыми противостоять сложным жизненным обстоятельствам, во многом именно это приводит их к ранней смерти. В обоих произведениях бабушка выступает антагонистом матери, что выражается в противопоставлении поведения героинь, где образ бабушки в большей степени соответствует характеристикам идеальной матери, в отличие от часто неидеальной матери. Бабушка имеет большое значение в каждой триаде – для Икстены, чтобы дарить

любовь, ласку и заботу, для Чижовой, чтобы заботиться и передавать культурные традиции и ценности.

Анализируя материнско-дочерние отношения в матрилинеальном нарративе, можно сделать вывод, что и у Икстены, и у Чижовой наиболее гармоничными являются отношения бабушки и дочери (внучки). В обоих нарративах бабушка становится второй или старшей матерью, фактически заменяя дочери родную мать (у Икстены – сразу после рождения ребенка, у Чижовой – после смерти матери). В этих отношениях абсолютно отсутствует конфликт, бабушка и внучка настолько идеально сосуществуют друг с другом, что матери будто бы не остается места в этой идеальной семье. Воссозданный по мотивам воспоминаний дочери образ бабушки воплощает в себе образ идеальной матери, в котором отражаются традиционные характеристики материнства – любовь, забота, ласка, тепло, доброта, а также подчеркивается важная роль бабушки в ее воспитании.

Говоря об отношениях между Матерью и Дочерью, то эти отношения объективно нельзя назвать идеальными. У Икстены это в первую очередь отражается в нежелании Матери ухаживать за своей Дочерью сразу после ее рождения, что сопровождается символическим отказом Матери от кормления ребенка и уходом из дома. В дальнейшем эта модель материнско-дочерних отношений еще больше усугубляется девиантным поведением матери – алкоголизм, курение, прием таблеток и неоднократные попытки самоубийства. Дочери приходится столкнуться не только с неидельным поведением Матери, а стать матерью для нее самой. Такая искаженная модель материнско-дочерних отношений не приводит героинь к полноценному взаимодействию, а противопоставление поведения Матери идеальной (бабушки) Матери неидеальной (матери), высказанное из уст Дочери, свидетельствует о неидельности образа матери в этих отношениях. У Чижовой отношения Матери и Дочери выглядят более благополучно, однако фрустрирующим фактором этих отношений является навязчивое желание Матери не дать Дочери повторить ее судьбу и ошибки молодости. В отличие от Икстены, у Чижовой Мать в полной мере заботится о Дочери, любит ее, принимает активное участие в ее жизни. В своих воспоминаниях Дочь отзывается о Матери с большим теплом и нежностью, что характеризует идеальный образ матери. Однако, объективно и материнско-дочерние отношения, и образ матери в данной женской линии нельзя назвать идеальными.

Материнско-дочерние отношения Матери и Бабушки также не совершенны, и у Икстены, и у Чижовой в отношениях героинь присутствует конфликт. У Икстены Мать и Бабушка (Мать матери) почти не взаимодействуют друг с другом, инициатором разрыва отношений здесь выступает дочь, именно в ее словах звучит обида на мать. В отличие от матери дочь

не стремится к восстановлению отношений, предпочитая отстраниться и жить своей жизнью. Мать чувствует себя лишней в идеальной семье Бабушки, и единственным мостиком, связывающим их, становится Дочь (внучка), которая воспитывается бабушкой, и с которой у той формируется тесная связь, при этом Дочь вынуждена быть свидетелем сложных отношений Матери и Бабушки, которые в итоге так и не нормализуются. Для самой Матери материнское поведение Бабушки кажется идеальным, она сама противопоставляет свою неидеальность идеальности матери, а, вспоминая детство, мать вспоминается ей доброй, любящей, заботливой, эти же характеристики Бабушка проявляет к своей внучке. Таким образом, идеальная Мать дисгармонирует с неидеальными материнско-дочерними отношениями. У Чижовой данная модель материнско-дочерних отношений не является традиционной, так как Бабушки не являются родными Матери, однако их долгое сосуществование под одной крышей и общее ведение хозяйства делает их полноценной семьей. Бабушки занимают главенствующую роль в этих отношениях, а Матери приходится во многом соглашаться с их точкой зрения и полагаться на их женский опыт. Однако именно такой уклад отношений позволяет говорить о конфликте, в котором Бабушки давят своим авторитетом, а Мать безропотно следует их назиданиям. Мать, необразованная деревенская девушка, конечно же нуждается в советах, однако Бабушки считают себя вправе решать жизненно важные вопросы за Мать, скорее не столько помогая ей, сколько манипулируя ею в своих интересах. Таким образом, материнское поведение Бабушек не идеально, и не могут служить формированию идеального образа матери.

Подводя итоги анализа материнско-дочерних отношений в триаде женских образов, представленных тремя поколениями женщин, можно сделать вывод о том, что по мнению современных авторов-женщин, Бабушка может быть или не быть идеальной матерью для собственной дочери, однако она непременно воплощает в себе все традиционные характеристики материнства по отношению к внучке, фактически становясь идеальной матерью. Так, у Икстены Бабушка успешно реализует материнскую функцию по отношению и к дочери, и к внучке, и ее образ идеален. У Чижовой роль Бабушек идеальна только по отношению к внучке. Говоря об образе Матери, то ее роль идеальна у Чижовой, и неидеальна у Икстены. Мать довольно рано уходит из жизни, оставляя за собой след радостных (у Чижовой) и не самых радостных (у Икстены) воспоминаний Дочери. В обоих текстах уход Матери не воспринимается Дочерью трагично, так как она остается окруженной любовью и заботой Бабушки и быстро смиряется с утратой. Образ Матери во многом реабилитируется в воспоминаниях Дочери, которые несут в себе тепло и нежность по отношению к ней.

В целом оценка материнства у обеих авторов-женщин положительная, однако, и Икстена, и Чижова в описании женских образов во многом отходят от традиционных характеристик материнства, при этом часто оправдывая своих героинь за неидеальное материнское поведение. Желая лучше понять чувства женщины-матери, Икстена затрагивает важный с точки зрения феминистской критики вопрос о «хорошей/плохой» матери, и признает, что роль матери не всегда идеальна, а врожденный материнский инстинкт может так и не «проснуться». Для Икстены резкое противопоставление характеристик идеальной и неидеальной матери может говорить о ее попытке проникнуть в сущность феномена материнства, где до сих пор все починено устоявшимся представлениям о традиционной роли матери, что автоматически переводит любое отклонение от нормы в разряд неправильного/неидеального/плохого, тем самым еще больше подавляя ее материнский инстинкт. Что касается Чижовой, то отход от традиционных характеристик материнства наблюдается в меньшей степени, однако, старшему поколению матерей (бабушки), писательница дает полный карт-бланш по отношению к своим детям/внукам, позволяя героиням придерживаться авторитарного стиля поведения, который во многом оправдывается их накопленным жизненным опытом, недоступным младшему поколению. Такой стиль материнского поведения априори не может быть продуктивен, но Чижова готова закрыть на это глаза, так как ее взгляд на проблему материнства сфокусирован на передаче культурных традиций и ценностей, и именно это закрепляет за матерью важную роль продолжательницы женской семейной истории. Таким образом, говоря о доминирующих характеристиках материнства, можно сказать, что во взгляде современных авторов-женщин находят отражение и позитивные, и негативные характеристики образа женщины-матери, однако это никак не отражается на отношении писательниц к своим героиням, которое можно в целом оценить как положительное.

На отход от традиционных характеристик материнства в обоих произведениях указывает и тот социально-культурный фактор советской эпохи, как контракт работающей матери, когда мать большую часть времени вынуждена проводить на работе и заниматься домашним хозяйством, что оставляет ей совсем немного времени на воспитание ребенка. Еще больше это обстоятельство влияет на жизнь главных героинь Икстены и Чижовой, так как обе они матери-одиночки, и в отсутствие полноценной семьи, они становятся основными добытчиками, и на их плечи полностью ложится финансовая ответственность за себя и за ребенка. В обоих случаях героини много и тяжело работают, что в итоге подрывает их здоровье.

Мотив смерти матери также объединяет оба нарратива. У Чижовой смерть матери связана с раком матки, что говорит о приостановлении биологической функции деторождения и неспособности героини больше становиться матерью. Мать как бы символически заканчивает свою материнскую миссию и передает ее бабушкам, которые продолжают исполнять роль матери для ее маленькой дочери. И, если у Чижовой мать уходит из жизни скоропостижно, то у Икстены мотив смерти матери начинается в самом начале произведения и полностью пронизывает текст романа. Сначала героиня намеренно «убивает» в себе мать, уйдя из дома сразу же после рождения ребенка и избавившись от грудного молока, а далее она предпринимает несколько попыток самоубийства, в итоге одна из которых приводит ее к смерти. При этом, ни для Чижовой, ни для Икстены смерть матери не становится трагедией, ведь по сути дочь не остается сиротой, ее матерью становится любящая бабушка, она всегда была и остается рядом с внучкой до самой своей смерти. В дальнейшем, в своих воспоминаниях дочь во многом отзывается о матери положительно. Так, у Чижовой светлый образ матери скорее связан с особенностями детского мировосприятия дочери, которой не было и семи лет, когда она потеряла мать. У Икстены же дочь теряет мать уже в период взросления, а до этого ей не раз приходилось становиться свидетельницей не самых приятных моментов из жизни матери и даже спасти ее от суицида. Однако, в своих воспоминаниях дочь склонна по-доброму отзываться о матери, пытаясь оправдать ее за неидеальное материнство. За смертью матери и у Чижовой, и у Икстены во многом видится тема избавления – у Чижовой мать избавляется от большого груза ответственности за себя, дочь и бабушек, от работы на износ, от финансовых тягот и лишений, однако она оставляет дочь в надежных руках бабушек, которые непременно позаботятся о ней и вырастят дочь идеальной. Героиня Икстены с самого начала стремится к избавлению от удушающей советской власти, глубокой внутренней безысходности и тоски, при этом она спокойна за свою дочь, ведь та уже обрела мать, и это мать – бабушка, именно она воплощает в себе любовь и заботу, а родной матери остается лишь не мешать этому счастью.

Проанализировав оба матрилинеальных нарратива о трех поколениях женщин с точки зрения генеалогии женщин, можно также говорить о художественных попытках формирования женской истории каждой отдельной семьи. В нарративах почти не слышны голоса героев-мужчин, что позволяет акцентировать внимание на женском субъективном опыте каждого поколения. Авторы-женщины предоставляют право голоса женским персонажам по материнской линии, раскрывая в том числе и тему материнства, которая их тесно связывает. Связь времен и поколений переплетается в обоих нарративах, таким

образом давая возможность читателю проследить трансформацию роли матери на фоне значимых исторических событий.

Таким образом, можно сделать вывод, что в современной женской прозе репрезентации материнства подвергаются модификации и часто отходят от традиционной культурной модели Мадонны. По словам Эльячефф и Эйниш, «...Миф о «безупречной матери» создает иллюзию, что некоторые могут, а другие не имеют права быть неполноценными. Конечно, эта мысль далека от истины. Любая мать может в тот или иной момент попасть в категорию неполноценных, выражение «не бывает человека без недостатков» в любом случае относится ко всем взрослым людям, и каждый из нас хотя бы раз в жизни чувствовал себя беспомощным» (Эльячефф, Эйниш 2006: 227).

В целом, анализируя материнско-дочерние отношения, можно отметить, что поведение матери часто неидеально, при этом авторы-женщины во многом с пониманием относятся к своим героиням, часто оправдывая их за неидеальное материнское поведение, сочувствуя им, переживая за их судьбу. В триаде главных женских образов матрилинеального нарратива только бабушка успешно реализует свою материнскую функцию по отношению к детям/внукам, именно ее можно считать идеальной матерью.

Оценка материнства, выявленная у авторов-женщин, в целом положительная, однако, и здесь современные писательницы расширяют рамки традиционных представлений о материнстве, затрагивая не только «светлые», но и «темные» стороны данного феномена. Авторы-женщины поднимают вопросы, связанные сугубо с женским субъективным опытом, таким как деторождение, аборт, искусственное оплодотворение, предохранение, добровольная бездетность и другие. Таким образом, современная женская проза актуализирует «женский» взгляд на категорию материнства и раскрывает этот концепт через подлинные реалии жизни женщин.

## Заключение

В данной работе проведено исследование репрезентаций материнства в современной русской и латышской женской прозе на материале двух романов современных авторов-женщин: «Молоко матери» Норы Икстены (2016) и «Время женщин» Елены Чижовой (2009). Оба произведения объединяет матрилинеальный нарратив, в котором отражается история женщин из трех поколений семьи, и этот значимый аспект послужил основанием для более глубокого изучения особенностей репрезентаций материнства на трех уровнях материнско-дочерних отношений, а также способствовал выявлению тенденций в формировании представлений о материнстве в современных женских текстах.

Объектом исследования выступила устойчивая триада женских образов «бабушка - мать - дочь/внучка», в которой были проанализированы материнско-дочерние отношения литературных героинь. В каждой женской линии отношений были проанализированы характеристики и частотность мотивов, формирующих образ женщины-матери, а также выявлена оценка материнства авторами-женщинами.

Материнско-дочерние отношения стали уже хрестоматийным объектом исследования в литературе, начиная с мифа о Деметре и Персефоне до классических художественных текстов. Современная женская литература выводит эти отношения на новый уровень, предоставляя право голоса главным протагонистам по женской линии – бабушка, мать, дочь/внучка. Во многом такая позиция обусловлена желанием автора обратиться к семейной женской истории, чтобы показать, как личность самой рассказчицы формируется под влиянием ее предков-женщин.

Для современных авторов-женщин концепт материнства имеет большое значение, к нему обращено достаточно большое количество женских текстов, однако сами писательницы чаще не придерживаются традиционных взглядов на феномен материнства, что отражается в отходе от устоявшихся характеристик материнства и модификации культурной модели Мадонна. Их героини вынуждены сталкиваться с реалиями одиночества и тяготами быта, что не дает им полноценно реализовать себя в качестве матери, в итоге они обречены на неидеальное материнство. При этом авторы-женщины отнюдь не упрекают своих героинь за неидеальное материнское поведение, а стремятся понять и оправдать их. В семье из трех поколений женщин только бабушка становится оплотом идеальной материнской любви, таким образом завоевывая свою не менее важную роль в истории семьи.

Женская проза стремится определить место женщины-матери в современном обществе, актуализируя важные социокультурные аспекты проблематики материнства, такие как матери-одиночки, неполная семья, вынужденные аборты, общественное давление, одноплое воспитание и другие. Таким образом происходит расширение представлений о материнстве, раскрывая образ матери с позиции автора-женщины. Мать перестает быть навязанным патриархальной культурой идеальным образом, в нем отражаются характеристики современной реальности, открывая не только «светлые», но и «темные» стороны материнства.

Говоря об исследованиях репрезентаций материнства в современной литературе, можно отметить, что это научное знание позволяет расширить представления о материнстве и по-новому взглянуть на роль женщины-матери в современном обществе. Исследование может быть продолжено на другом материале современной русской и латышской литературы.

## Список использованной литературы

### Источники:

- Икстена Н. Молоко матери. Dienas grāmata, 2016.
- Чижова Е. Время женщин. АСТ, Астрель, Редакция Елены Шубиной, 2010.  
Доступно на 7.06.2020.: [http://loveread.ec/view\\_global.php?id=36183](http://loveread.ec/view_global.php?id=36183)

### Научная и критическая литература:

Бичарова М.М. Российская женщина, свободная от детей», или проблема смещения ценностных ориентиров // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 2. – С. 343–350.

Бичарова М.М. Философия современного материнства (Рецензия на книгу К. Мундлос «Когда материнство не делает счастливым: феномен сожалеющего материнства») // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2017. – № 2. – С. 205–208.

Горохова И.В. Роль бабушки в современном обществе // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: Материалы Девятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13–16 октября 2016 г., Смоленск: в 2 т. М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016.

Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии : учебное пособие. Санкт-Петербург: издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Здравомыслова Е., Жидкова Е. Семья с гендерной точки зрения: тихая заводь, поле битвы или коммерческий проект? // Гендер для «чайников» - 2. Москва: Просветительско-издательский центр «Звенья», 2009.

Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция одного научного мифа. Москва: Интрада, 1998.

Иригарэ Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина - Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.:Алетейя, 2001.

Короленко Ц. П. Мифология пола. Канск, 1994.

Кирилина А.В. Гендер. Лингвистические аспекты, 1999.

Макешина Ю. В. Репрезентация материнства в феминистской философии Ю. Кристевой, 2014.

- Мицюк Н. А. История материнства (Motherhood Studies) в России на страницах англоязычной историографии // Историческая психология и социология истории. Том 8, №1, 2015
- Омельченко Е. Становление гендера: Кто и что помогает нам стать собой, а также женщинами и мужчинами // Гендер для «чайников». Москва: Просветительско-издательский центр «Звенья», 2006.
- Павлова Н. И. Материнско-дочерний метасюжет русской женской прозы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. Т. 13, вып. 3. 2013.
- Савкина И. Л. Говори, Мария! (Заметки о современной женской прозе) // Преображение (Русский феминистский журнал), 1996, № 4. С. 62-67.
- Саморукова И. Репрезентации: Образы мужчин и женщин в культуре // Гендер для «чайников». Москва: Просветительско-издательский центр «Звенья», 2006.
- Сиксу Э. Хохот медузы // Введение в гендерные исследования. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.:Алетейя, 2001.
- Созина Е. К. "Дочки-матери" в русской литературе второй половины XIX века // Мальчики и девочки: реалии социализации: сб. ст. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2004. С. 217-227.
- Улюра Г. Другая-Такая-же: смерть матери в работе воспоминания (на материале русской женской прозы) // Мортальность в литературе и культуре: Сборник научных трудов, 2015.
- Чодороу Н. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера / Пер. с англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
- Эльячэфф К., Эйниш Н. Дочки-матери. Третий лишний? М.: Наталья Попова, «Кстати», 2006, Издательство «Институт общегуманитарных исследований», 2006.
- Heffernan, V. Matrilineal Narrative and the Feminist Family Romance // German Women's Writing in the Twenty-First Century. Rochester, NY: Camden House, 2015.
- Pinggong, Z. Reclaiming Luce Irigaray: Language and Space of the "Other" // Linguistics and Literature Studies 6(5): 250-258, 2018.
- Podnieks, E., O'Reilly, A. Textual mothers / maternal texts : motherhood in contemporary women's literatures, 2010.

Walters, S. D. *Lives Together/Worlds Apart. Mothers and Daughters in Popular Culture*. University of California Press. Berkeley · Los Angeles · Oxford, 1992.

Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина - Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.:Алетейя, 2001.

Под знаком П. Афоризмы известных психологов. Сост. К.В. Ягнюк. Когито-Центр, 2016.

Современная литературная теория. Антология I Сост. И.В. Кабанова. - М.: Флинта: Наука, 2004

Kultūras feminisms. Feminisma terminu skaidrošā vārdnīca. Sast. un zin. redaktors Dr. Philol. Ausma Cimdiņa un Dr. Philol. Natalja Šroma. Rīga, 2017.

### **Интернет-ресурсы:**

Интервью Е. Чижовой, 2010 год - <https://ria.ru/20100521/236894694.html>

## Приложение № 1. Репрезентации материнства в романах Норы Икстены «Молоко матери» и Елены Чижовой «Время женщин»

Материалом для эмпирического анализа репрезентаций материнства послужили два романа современных авторов-женщин, а именно тексты латышских и русских писательниц Норы Икстены «Молоко матери» и Елены Чижовой «Время женщин». В обоих произведениях представлена устойчивая трада женских образов – мать-бабушка-дочь/внучка, которая стала основой для сравнительного анализа женских образов и выявления доминирующих репрезентаций материнства в современной женской прозе.

Таблица №1: Репрезентации материнства в романе «Молоко матери» Норы Икстены

Таблица №2: Репрезентации материнства в романе «Время женщин» Елены Чижовой

**Таблица №1**

Мать матери	Мать	Дочь / внучка
«Доченька моя, моя милая девочка... помню..., что она все называла уменьшительными именами – доченька, папочка, елочки...»	«После смерти отца во мне помаленьку, но очень явно растет ненависть к существующему строю и к моей матери»	«... ибо жизнь сложилась так, что мне пришлось стать матерью для своей матери...»
«...она [мать] берегла свою новую жизнь и, как уж умела, меня в ней...»	«Она почти не общается с матерью и отчимом»	«... я боялась своей матери. Время от времени в нее словно вселялась почти бесовская сила... А потом на смену тьмы-тьмушей приходили редкие полосы света... я сижу у нее на коленях, и мне не страшно»
«...она была такой хорошей и заботливой матерью. Она ухаживала за мной и баловала так, как дочь ухаживает сейчас и балует меня...»	«Мать родила меня в 25 лет, значит была молодой и здоровой, что, правда, как выяснилось позже, не соответствовало действительности»	«Своими родителями я считаю мать матери и отчима матери»
«Категоричное решение матери в дальнейшем определила не только ее жизнь, но и жизнь отца, и мою жизнь. Я невольно винила ее во всем...»	«За что такая ненависть? Она, моя девочка, была такой родной... Если бы кто-то забрал тебя у меня, я бы его убила. А теперь она хотела прикончить меня...»	«...Боль от разлуки с моими старыми родителями была невыносимой»

<p>«Отчим матери готовил завтрак, мать матери гладила мою школьную форму, заплетала мне коички... Потом мать матери ведет меня в школу. Ее рука держит мою руку крепко и тепло, и у школы мне всегда грустно расставаться с нею. Мы обнимаемся, целуем друг друга, и она говорит – беги, горошинка»</p>	<p>«... двигаюсь в направлении улицы Энгельса. Мимо нашего дома, где отчим готовит завтрак, а мать перед школой заплетает косички моей дочери. Мимо их жизни, в которую я не вписалась и где обитаю как привидение из другого мира...»</p>	<p>«...я жила защищенной и любила своих старых родителей больше всех на свете»</p>
<p>«Горошинка моя, горошинка, - глядя мою голову в косичках, говорит мать матери, я впервые вижу плачущего отчима. Иначе было нельзя. Я была ребенком своей матери, и моя мать захотела своего ребенка.»</p>	<p>«Мы потеряли ее, что же с ней будет, что с ней будет... почему, почему так получилось... Она росла в большой любви... Она питалась молоком матери до трех лет. Здоровый, крепкий ребенок. Что с ней случилось?»</p>	<p>«Мы с матерью жили каждая своей жизнью...»</p>
<p>«Мать матери в своей комнате сквозь слезы шепотом бормотала. Отнимают у нас нашу горошинку. Увозят, отрывают от сердца... Душа, до дрожи в сердце, болит по нашей горошинке...»</p>	<p>«Я не видела их уже несколько лет... Мать и отчим уже думают, что я никогда не захочу встретиться с ними»</p>	<p>«Заботиться о себе мне предлагалось самой. Я научилась топить печь и плиту, приносить воду, стирать больше, варить суп»</p>
<p>«Мне всегда стелили чистую постель и клали сложенное стопочкой выстиранное белье и одежду которую я оставила в предыдущий раз. Два дня в неделю, а иногда несколько дней на каникулах я жила в этом раю»</p>	<p>«Мать пребывала где-то за пределами нашего семейного существования»</p>	<p>«Не помню, чтобы хоть раз мать провожала меня в школу или ждала меня после уроков...»</p>
<p>«Я сама вытянула горошинку... Теперь она ее отняла»</p>	<p>«Моя мать, будучи молодым врачом, возможно, знала, что ее молоко ее ребенку может принести больше вреда, чем пользы. Как иначе объяснить ее исчезновение сразу же после родов из дому. Ее не было пять дней, и вернулась она с болью в грудях; сгорело молоко»</p>	<p>«Мы редко прикасались друг к другу... Ее руки и одежда пахли лекарствами, это был запах моего матери, который благодаря прикосновениям пробудил во мне любовь, которой я не знала. Любовь к матери. Любовь матери»</p>

	«Войдя в коридор, я услышала странные хрипы... На ее шее старый мужской галстук, которым она пыталась задушить себя...»	«... ибо жизнь сложилась так, что мне пришлось стать матерью для своей матери...»
	«Да, мне не хотелось жить, и я не хотела, чтобы она [дочь] пила молоко матери, которой не хочется жить»	«Мне еще так мало лет, но я чувствовала в себе признаки взросления. Я отвечала за свою мать»
	«Было раннее утро, на кухне дочь тихо позвякивала посудой. Она собиралась в школу. Я почувствовала такой приятный запах кофе. Она варила его для меня...»	«Я как умела ухаживала за матерью...»
	«...кто же как не моя собственная дочь, вносила в это сонное существование луч света и некий смысл...»	«Ну да, ты уже большая девочка. Тебе уже тринадцать? Осведомилась она»
	«Мать улыбнулась, когда я открыла табель.... она погладила мою голову. Это было так непривычно, так ласково. Я наклонилась и чмокнула ее в щеку»	«Моя плоть и моя кровь...» «Здесь она была, моя дочь. Не покинутое дитя, не плод греха...»
	«Обними меня, крепко обними и поцелуй, сказала мать, и вдруг в тени солнца мне открылось ее лицо. Она враз постарела... Я крепко обняла мать, поцеловала. Ты вернулась, я очень тебя звала, и ты вернулась, вернулась назад, все будет хорошо, все будет хорошо, мама»	«Мама, сказала я, и испугалась этого слова, никогда не называла я так мать»

Таблица №2

Бабушки	Мать	Дочь/внучка
«Въезжала, девки страшали: «Как еще уживешься, с соседями!» В общежитии-то свои. А тут – чужая, деревенская, с дитем... Въехала. Ничего, тихие старухи. А все равно боязно»	«Прежде-то нажилась в общежитии, в тесноте, да не в обиде – комната на восемь коек. А нынче – вольно... Спасибо месткомовским. Зоя Ивановна так и сказала: «Чего уж теперь... Разве дите виновато? Родила так родила – обратно не пихнешь. У нас ведь как? Мать всему	«Мое первое воспоминание: снег... Ворота, тощая белая лошадь. Мы с бабушками бредем за телегой, а лошадь большая, только почему-то грязная. А еще оглобли – длинные, волокутся по снегу. В телеге что-то темное. Бабушки говорят: гроб. Это слово я знаю, но все равно

	<p>голова: и напоит, и накормит. Ну и что – без мужа? Нынче и таким помощь и почет»</p>	<p>удивляюсь, ведь гроб должен быть стеклянный. Тогда бы все увидели, что мама спит, но скоро проснется. Я это знаю, только не могу рассказать...»</p>
<p>«Старухи, спасибо им, утешали. На все божья воля. Придет время, заговорит»</p>	<p>«А еще, думаю, от имени много зависит. Взять хоть мое: Тонька да Тонька. Я тогда еще решила: если мальчик, в деда назову – мужикам все одно. А девочка – пусть с детства красивое имя слышит. Может, жизни моей не повторит»</p>	<p>«Девка умная – одно слово, городская. Картинки всё рисует. Буквам в четыре года выучилась. Понимает все. Только не говорит. Пять лет, шестой, а все молчком»</p>
<p>«У самих – никого. Мужья-дети сгинули, поумирали. И внуков нету. Иди, говорят, работай. Неужто не вырастим втроем?»</p>	<p>«Бросишь нянькам – и на работу. Ясли свои, заводские. Все одно – душа болит. Бывало, надо во вторую, мастер попросит. К ночи приходишь – нянечка дежурная. Разбудит, замотает, принесет. Все бы ничего – хворать стала. Зоя Ивановна утешала: «Все дети болеют, и твоя отболеет»... Решилась в деревню отдать. Мать еще жива была. Тут старухи и явились. Легли костями...»</p>	<p>«Красавица – прямо ангел небесный. И не скажешь, что ущербная. Господи, воля твоя...»</p>
<p>«Тут, за столом, едва получив ребенка на руки, пришли к согласию: первым долгом – покрестить. Тайком, не докладываясь матери. В этих делах мать – сторона»</p>	<p>«Креститься, боже упаси, не учим. Матери опасаемся. Вдруг увидит»</p>	<p>«Бабушка Евдокия в церкви строгая. – Вот, – учит, – там алтарь. Перед ним ворота царские: отворят, все насквозь видать. Батюшки в алтаре ходят, словно праведники по небу. Вечером служба начнется – паникадила зажгут. Свет тихий, благостный. Оглянешься, душа радуется: золото горит, вспыхивает – так жаром и обольется. Сходит, принесет свечек, потом за руку возьмет, подведет»</p>
<p>«Бабки-то умные, конечно... Так ведь и Зоя неглупая: правду говорит. Они-то свое прожили. А</p>	<p>«Ты, – хмурится, – Антонина, вроде и не мать, а мачеха. Тебе дело говорят, а ты – про всякую ерунду. Вот вырастет девка</p>	<p>«Зато дите как принцесса. Почитай, три няньки на одну – и присмотрена, и причесана. Гуляют, книжки</p>

<p>жизнь другая настала – чего они знают?..»</p>	<p>старорежимная, локти станешь кусать, да уж поздно. Ладно, иди пока...»</p>	<p>читают. Учат, кому сказать, по-французски»</p>
<p>«Ох, только теперь и заметила: детское в общем тазу замочила. Хорошо, старухи не видели – отдельно велят стирать. «Взрослая грязь едкая. За целую жизнь копится. Как ни мойся, дочиста не отмоешь». Ладно, может, им и виднее. Сколько лет в Максимилиановской проработали. Няньками в приемном покое.»</p>	<p>«Так и повелось: сама на работу, с работы – по магазинам, там отстоять, тут отстоять, и дома вроде прислуги. Постирать на всех, убрать, сготовить. Пенсии у них – слезы. Свои приходится докладывать»</p>	<p>«В детстве я не умела разговаривать. Мама водила по врачам, показывала разным специалистам, но все без толку: причины так и не нашли»</p>
<p>«– Я ведь чего хотела... – стоит, не уходит. – Жизнь наша, она ведь по-всякому складывается. Пока молодая. Мало ли, кто-нибудь понравится или ты ему. В жизни всяко бывает, а головы не теряй. Одну, бог даст, мы уж вырастим, а более не в силах. Вот и слушай: мало ли, до чего у вас дойдет, а ты укусу загодя купи или аспирина. В воде раствори. Возьми клочок ваты – ниткой перемотай да в воду эту и окуни. Вату-то заранее пихнешь, а нитка длинная – наружу высовывается. Вот кончится у вас, а ты помни: минутку-другую подожди да и вытягивай наружу. Поняла ли? – спрашивает»</p>	<p>«Ты, Антонина, смотрю, баба ушлая, а глупая. Ладно, когда по молодости. А теперь, чай, не девка. Раз принесла в подоле, во второй раз примериваешься? Так и будешь безотцовщину плодить? Пользуетесь, что государство у нас доброе – и ясли, и сад, и все вам на тарелочке. Рожай не хочу – хоть под каждым забором...»</p>	<p>«Пока что трудно сказать: вроде в мать мою, покойницу. А другой раз сядет, щечку этак подопрет, глаза к потолку – ну вылитый он. Лицом вроде и не похожа, а повадку переняла. Отродясь отца не видывала, а все будто помнит»</p>
<p>«Старухи наставляю: там, на работе-то – молчи. Спросят, отвечай: хорошо все. У людей языки длинные, дурные. Все беды от языков. В глаза посочувствуют, а меж собой, кто их знает? Ославят. Оговорят»</p>	<p>«Мама дверку распахнула, кочергой в печке шевелит. А жар от печки горячий, прямо в глаза бьет. Дверку заложила, глазки рукой вытирает. – Ничего, – плачет, – не бойся. Все хорошо у нас будет. Ну, поди к бабушкам...»</p>	<p>«Раньше мои картинки лежали в коробке. Жаль, что они не сохранились: тогда я бы все вспомнила. А так не помню. Даже мамино лицо»</p>

<p>«Когда падает снег, я всегда вспоминаю бабушек. Стою у окна и думаю. Мои бабушки ничем не болели, просто ушли в один год. Сначала Гликерия, потом – Ариадна. А бабушка Евдокия дожила до осени – я уже училась в Мухинском на первом курсе. Тогда мы жили одни»</p>	<p>«Глаза открыла – мама у створки стоит, причесывается. Снова на тот свет собирается. Там хорошо, празднично...»</p>	<p>«Бабушка Евдокия пахнет сухо, сладко. Уткнешься – и не страшно. Ничего, что одна. Я к ним на тот свет приду. Поживу маленько и приду...»</p>
		<p>«Иногда я стелю камчатную скатерть с розами и представляю, как мы садимся вокруг стола – и отец, и мама, и бабушки. Это для них я купила такую большую квартиру. Чтобы у них был дом, в котором больше не страшно, потому что это – наши комнаты и их никто не отнимет»</p>

## DOKUMENTĀRA LAPA

Maģistra darbs „Mātišķības reprezentācijas Noras Ikstenas “Mātes piens” un Jeļenas Čižovas “Sieviešu laiks” romānos” izstrādāts LU Humanitāro zinātņu fakultātē.

Ar savu parakstu apliecinu, ka pētījums veikts pastāvīgi, izmantoti tikai tajā norādīties informācijas avoti un iesnigtā darba elektroniskā kopija atbilst izdrukai.

Autors: Jekaterina Dobrova

Rekomendēju darbu aizstāvēšanai

Vadītāja: asoc.prof. Dr, Philol. Nataļja Šroma

Recenzenti:

doc. Jeļena Marčenko

doc. Iveta Narodovska

Darbs iesniegts Rusistikas un slāvistikas nodaļā 8.06.2020.

Studiju metodiķe: Jeļena Sevastjanova

Darbs aizstāvēts maģistra gala pārbaudījumā komisijas sēdē

\_\_\_\_.06.2020 prot. Nr. \_\_\_\_\_, vērtējums \_\_\_\_ ( \_\_\_\_\_ )

Komisijas sekretāre: doc. Tatjana Barišņikova